

А. К. Нартов

ДОСТОПАМЯТНЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ И РЕЧИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

К жанру анекдотов XVIII века с некоторой долей условности можно отнести и «Достопамятные повествования и речи Петра Великого». Автор их — петровский токарь Андрей Константинович Нартов (1693—1756), выдающийся механик и изобретатель, «находясь при его императорском величестве» в течение двенадцати лет (а не двадцати, как сказано в его предисловии), близко общался с Петром, часто видел его в неофициальной обстановке, был свидетелем его повседневных будней.

Токарному делу Андрей Нартов начал обучаться с двенадцати лет в токарной мастерской при Навигационной школе, которая располагалась в Москве в Сухаревской башне. Открытая в 1701 году, Навигационная школа стала первым техническим учебным заведением в России. Очевидно, там он и обратил на себя внимание Петра, который в 1712 году именным указом перевел его в Петербург для продолжения учебы и службы в придворной токарне, устроенной в Летнем саду, неподалеку от Летнего дворца.

В 1718 году Нартов был послан за границу для завершения технического образования. О своих успехах в учебе и о выполнении поручений царя он должен был сообщать непосредственно кабинет-секретарю Петра А. В. Макарову. В одном из таких донесений, отправленных Нартовым из Англии в марте 1719 года, Петр, надо думать, с удовлетворением прочел о том, что «я здесь таких токарных мастеров, которые превзошли российских мастеров, не нашел и чертежи машинам, которые ваше царское величество приказал здесь сделать, я мастерам казал, и оные сделать по ним не могут...». Из этого же донесения видно, что Нартов, как и большинство русских молодых людей, учившихся за границей, сильно нуждался, получая деньги крайне нерегулярно. Несмотря на это, занимался он серьезно и делал большие успехи. Из Лондона он отправился в Париж, где слушал лекции по математике и астрономии, изучал медальерное искусство. Пробыв некоторое время

при дворе прусского короля, Нартов в конце 1720 года вернулся в Петербург, где продолжал работу в царской токарне, но уже в качестве ее руководителя. Он расширил токарню и пополнил ее новыми машинами, вывезенными и выписанными из-за границы. В обязанности его входило также обучать учеников токарному искусству.

Токарня в Летнем саду была тем местом, куда Петр приходил, чтобы отвлечься от государственных хлопот, занявшись любимым токарным делом, в котором он был изрядный специалист. Однако уединиться там ему далеко не всегда удавалось, и тогда Нартов становился свидетелем его бесед с приближенными. Нередко случалось петровскому токарю бывать и в токарной комнате Летнего дворца, и сопровождать царя в поездках, словом, как он сам пишет, быть «самовидцем упражнений и бесед» Петра.

После смерти Петра, когда токарня со всеми машинами и штатом была переведена в Академию наук, Нартов был назначен советником Академии и управляющим механической экспедицией при ней.

«Достопамятные повествования», как установил их исследователь и публикатор академик Л. Н. Майков, помимо собственных воспоминаний А. К. Нартова содержат в окончательном варианте и рассказы о Петре, не только услышанные Нартовым «от достоверных особ», как сказано в преамбуле, но и взятые из различных печатных источников. Свел все это воедино, по-видимому, младший сын Нартова, Андрей Андреевич Нартов, живший во времена Екатерины II. Тем не менее значительная часть анекдотов исходит непосредственно от петровского токаря.

«Достопамятные повествования и речи Петра Великого» А. К. Нартова публикуются по кн.: Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.

Я собирал повествования о Петре Великом и речи сего славного монарха, слыша оные либо устно от самого государя или от достоверных особ, в то время живших. И находясь при его императорском величестве более двадцати лет и нося милость его, бывал я самовидцем упражнений и бесед его. Следовательно, о вероятности сих сказаний никто да не усумнится.

Андрей Нартов, действительный статский советник, Петра Великого механик и токарного искусства учитель, императорской Академии наук и Канцелярии главной артиллерии и фортификации член.

Писано мною сие по кончине его величества и кончено в 1727 году¹.

Первое путешествие государя Петра Первого в чужие государства.

Слыхал ли кто или читал ли кто в каких-либо преданиях, чтоб какой самодержец при вступлении своем на престол, оставя корону, скипетр и поруча правление царства ближним вельможам, предпринимал отдаленное странствование по чужим государствам единственно только ради того, чтоб просветить, во-первых, себя науками и художествами, иметь свидание самоличное с прочими государями, устно с ними о взаимных пользах говорить, утвердить дружбу и согласие, познать правительства их, обозреть города, жилища, изведать положение мест и климатов, примечать нравы, обычаи и жизнь европейских народов, полезное от сего перенять, потом подобное водворить в отечество свое, преобразовать подданных и соделать себя достойным владетелем пространной монархии? Пример неслыханный, но в России самым делом исполненный!

Усердие о благе и чрезвычайная любовь к отечеству воспламенили в великой душе двадцатипятилетнего царя Петра Алексеевича такое похвальное желание. Сего ради, учредя он Великое посольство к европейским державам и сокрыв величество сана своего, дабы его не узнали, поместил себя при том частною особою в лице простого дворянина и в путь при послах Лефорте, Головине и Возницыне 1697 года марта 9-го дня из Москвы отправился. Путешествие оно было чрез Лифляндию и город Ригу, чрез курляндскую Митаву, оттуда в прусскую столицу Кёнигсберг, где курфюрст Фридерик III, потом король прусский, оказал отличные посольству почести, и государь с курфюрстом восстановил искреннюю приязнь. Тут же, во-первых, его величество делал потребные примечания к наставлению своему, ходил смотреть видения достойное, посещал ремесленников, осматривал работу и рукоделие их, познакомился в университете с учеными людьми, требовал мнения их о заведении наук в России и потом с удовольствием отправился в посольстве чрез Бранденбургские и Люнебургские области и чрез Вестфалию к Амстердаму. Но, приближаясь к голландским границам, оставил он посольство свое и сам поехал наперед в Амстердам, который желал с нетерпеливостью видеть. Прибыл он туда за пятнадцать дней прежде посольства, имея с собою несколько молодых дворян, в числе коих находился царевич сибирский² да Меншиков, где, осмотрев зрения заслуживающее, удалился немедленно в Саардам в нанятом судне, которым в одежде матросской управлял сам, и, пристав к берегу, выскочил первый на землю, чтобы веревкою привязать свое судно, дабы тем

менее могли его узнать. С бывшими при нем вошел он в первый вольный дом, а как сии одеты были по-русски, то скоро вольный дом наполнился любопытствующими зрителями. Его величество, убегая толпы народной, пошел в особую комнату, приказав переводчику между черни провести, что про него говорят.

Сказано ему было, что ведают уже о том, что российский государь находится в свите Великого посольства, а он, имея от государя повеление, уверил при сем народ, что они не в числе том, а особо посланные сюда учиться корабельному строению. На другой день его величество нарядился с бывшими при нем так, как одеваются ватерлантские жители — в короткий бострок красного боя и широкие брюки (штаны) белого холста. А как он прежде путешествия своего довольно уже голландский язык разумел, то сие и помогло ему удовлетворять любопытство свое в тех вещах, о которых он спрашивал или которые видеть и знать желал. Здесь обучался он корабельному строению, здесь работал яко простой плотник и с товарищами пил и ел вместе. Здесь имел знакомство с лучшими рукодельщиками и в часы отдохновения учился токарному искусству, а в Амстердаме, с лучшими художниками, с мореходцами и с знатными купцами обходясь, получал от них разные сведения.

Получа он в знании корабельного строения изрядные успехи и купя себе одно судно, называемое буер, сделал сам складную мачту, на две части разбирающуюся, каковой до сего не было и никто оныя не выдумывал. Сия новоизобретенная мачта почтена была таким искусством в мастерстве, которое обрело ему право принятым быть в обществе корабельных строителей, в котором записан был под именем Петра Михайлова. Но ему гораздо приятнее было, когда друзья его называли саардамским корабельщиком или мастером Питером. На сем-то буере разъезжал он в Амстердам и по другим местам, правя оным сам, и молодые дворяне его по неволе принуждены были иногда претерпевать страх, ибо отважный и небоязливый государь в самый, сильный штурм хладнокровно по воде странствовал. Между прочими особенного благополучия в знакомстве удостоены были бургомистр Витсен и мореплаватель Мус.

Сколько его величество ни скрывал о себе в Саардаме, однако тайность сия открылась чрез одного голландца, получившего письма из России. Монарх тотчас заметил по принужденному обхождению товарищей своих и по их почтению, чего несколько месяцев не было и которое ему оказывать начали, что особа его была уже им известна. Досадовал он на сие несказанно, видя, что они с тех пор обращались с ним не столь уже откровенно. Сего ради просил их, чтоб они на царское достоинство его не смотрели

и почитали бы его так, как прежде, говоря им по-голландски сие: «Если хотите быть моими друзьями, так обходитесь со мною не как с царем, а как с своим товарищем, — инако лишите меня удовольствия быть вашим учеником, ради чего я нарочно сюда приехал. Я ищу не почестей, но полезных знаний. Оставьте все церемонии, мне свобода тысячу раз милее, нежели несносное принуждение, которое саардамцам не сродно». Таким-то образом царь Петр Алексеевич продолжал после свободные труды свои и в Голландии получил знания во многих науках, а особливо в математике, архитектуре и инженерстве, поселя о себе удивление во всем свете.

2

Царь Петр Алексеевич по приезде своем с посольством в город Ригу, желая видеть городские здания и крепость, яко первые предметы чужестранные, любопытства достойные, ходил с Меншиковым и с прочими молодыми дворянами кругом по валу и осматривал местоположение и укрепления оной. Губернатор граф Дальберг, который от подчиненных шведов был о сем уведомлен, тотчас возымел подозрение, приносил Лефорту, первому российского двора послу, за сие жалобу, якобы они крепостные строения карандашом срисовали, требуя от него с угрозами, чтоб он российским путешественникам сие делать запретил.

Сам же он приказал шведским офицерам и стражам за ними строго присматривать и близ городского вала не пускать. Лефорт, учтивым образом извиняясь перед ним, что посольство о сем ничего не ведает, велел градоначальнику сказать, буде в свите посольства находящиеся знатные дворяне кругом вала ходили, то происходило оное не с умысла ухищренного, а ради единой прогулки и позволительного, как кажется, любопытства путешествующим в чужие края видеть славную крепость, которой россияне никогда не видавали, и если, как примечает посол теперь, сие не угодно господину губернатору, то уверяет, что сего впредь не воспоследует.

Лефорт не преминул того же вечера донести о том неосновательном неудовольствии его величеству. Государь, услышав такое странное требование, весьма дивился неучтивому поступку Дальберга, почел себе притеснением и обидою и с досадою Лефорту отвечал: «Так мне теперь запрещают смотреть рижскую крепость? Хорошо! Пойдем же отсюда скорее, вон, видно, швед нас не любит, но я со временем увижу ее ближе и, может быть, откажу в том королю шведскому, в чем ныне отказывает дерзновенно мне Дальберг».

Такой суровый поступок губернатора Дальберга, чиненые россиянам угрозы и разного рода притеснения и, накоц, воспреещение свободного им входа в город были явным оскорблением не только посольства, но и лица царского, от чего после воспоследовал разрыв соседственной дружбы и возстал ужасная война между обоих государств, которая кончилась к великому вреду Швеции и к бессмертной славе России³.

3

Его величество хаживал в Саардаме после работы с товарищами в один винный погреб завтракать сельди, сыр, масло, пить виноградное вино и пиво, где у хозяина находилась в прислугах одна молодая, рослая и пригожая девка. А как государь был охотник до женщин, то и была она предметом его забавы. Чрез частное свидание познакомилась она с ним, и когда государь там ни бывал, встречала и провожала его приятно. В воскресный день поутру случилось ему зайти туда одному. Хозяин и прочие были тогда в церкви. Он не хотел пропустить удобного времени, которого было довольно для того, что предики и служба продолжалась часа три. Сел, завел с нею поллюбовный разговор, приказал налить себе бокал вина, который, принимая одною рукою, а другою обняв ее, говорил: «Здравствуй, красавица, я тебя люблю!» Выпив, поцеловал ее, потом поподчивал тем же вином ее, вынул из кармана кошелек, полный червонцев, отсчитал десять червонцев и подарил девке на ленты. Девка, приняв подарок, смотрела не него пристально и продолжала речь свою к нему так: «Я вижу, ты, Питер, богат, а не простой человек!» — «Я прислан сюда от московского царя учиться корабельному мастерству», — отвечал он. — «Неправда! Я слышала, здесь говорят, что ты царь». — «Нет, милая девушка, цари не плотничают и так не работают, как я: я от утра до вечера все на работе». — «Это не мешает, сказывают, что ты учишься для того, чтоб после учить свой народ». — «Ложь, душа, не верь!» Между тем прижимал он ее к себе крепче, а она продолжала любопытствовать и убеждала, чтоб он сказал ей истину. Государь, желая скорее беседу кончить, говорил: «Любовь не разбирает чинов. Так ведай, я — московский дворянин». — «Тем хуже и неприличнее для меня, — отвечала она, — вольного народа свободная девка не может любить дворянина, я сердца своего ему не отдам».

При сем слове хотел было он ее поцеловать, но она, не допустив, пошла от него прочь. Государь, видя, что иначе разделиться с нею не можно, как сказать яснее, удержал и спросил ее:

«А саардамского корабельщика и русского царя полюбила бы ты?» На сие улыбнувшись, весело вдруг сказала: «Это, Питер, дело другое. Ему сердца не откажу и любить буду». — «Так люби же во мне и того и другого, только не сказывай никому, буде впредь видеться со мною хочешь», — что она ему и обещала. Потом он дал ей пятьдесят червонцев и пошел с удовольствием домой. После сего, во все пребывание свое в Саардаме, когда надобно было, имел ее в своей квартире и при отъезде на приданое пожаловал ей триста талеров. Картина сего любовного приключения нарисована была масляными красками в Голландии, на которой представлен его величество с тою девкою весьма похожим. Сию картину привез государь с собою и в память поставил оную в Петергофском дворце, которую и поныне там видеть можно.

4

Царь Петр Алексеевич, по получении довольного практического знания в Голландии морских производств, в начале 1698 года воспринял намерение отправиться в Англию, дабы корабельному строению и флотским обращениям обучиться там основательнее. Король английский Вильгельм III прислал адмирала Митшеля с эскадрою в Голландию для отвезения его величества с посольством в Лондон. Государь прибыл благополучно в Гарвич⁴, а оттуда в Лондон, где приготовлен был для него и для посольства его великолепный дом близ реки в Эрк-Бильдинге, который он оставил посольству, а сам, с малым числом любимых людей, переехал жить в Депфорд⁵, в квартиру Эвелина, поблизости корабельной верфи, для того, чтобы удобнее видеть ему строение кораблей, иметь обхождение с мастерами и научиться у них конструкции военных и купеческих судов, причем часто сам монарх руками своими трудился. Маркиз Кармартен и Деан — первый — командующий на море, а другой — искусный корабельный мастер — были те особы, с которыми младый государь имел всегдашнее обхождение и от которых он получал удовлетворительные к знанию сведения.

Между тем монарх часто видался и говаривал дружески с королем, осматривал в Лондоне зрения достойное, примечал нравы жителей, правление, беседовал с художниками и учеными людьми. В корабельщицком платье заходя в кофейные дома и к ремесленникам, а чтоб не признавали его, нашивал шляпу распушенную и низко на брови сдвинутую. Но ничто не произвело в нем толикого утешения и удовольствия как то, что король приказал адмиралу Митшелю ехать с царем в Портсмут и в присутствии его величества находившийся флот в Спитеаде⁶ пока-

зять на море и учинить примерное корабельному сражению и прочие эволюции.

Возвратясь из Портсмута, ездил в Оксфордский университет, собрал модели для отечества своего, бывал в церквах во время службы и церемониальных обрядов и после посещал епископа кантербургского⁷. Король подарил Петру Алексеевичу прекрасную яхту новую, о двадцати четырех пушках вооруженную, на которой государь отправил в город Архангельский принятых в службу свою морских английских офицеров, художников, мастеровых и корабельщиков, между коими находился и славный математик Фергусон, которого у нас в России неправильно называли Фрафорсоном и который первый учредил математическую, навигационную и астрономическую школу. Наконец, царь Петр, простясь с королем, великолепно с посольством угощен был у герцога Леедса, в доме его в Вимблетоне на Темзе, и после на трех яхтах, присланных от короля, под прикрытием нескольких военных кораблей, адмиралом Митшелем паки в Голландию с принадлежащими почестями препровожден. Прощаясь с сим адмиралом, подарил его величество ему портрет свой, богато алмазами украшенный, сказав: «Я вручаю вам, господин адмирал, свой портрет с тем, чтобы вы, помня меня, яко друга, оный носили. А ваш портрет повезу я теперь с собою в Россию в благодарном моем сердце. Я прошу вас, господин адмирал, прислать малеванный портрет ваш, который вы мне обещали, в Москву, с тем при том изображением, как флотом, показывая его мне, командовали». Потом, прижав рукою адмирала к груди своей, поцеловал его в лоб и, имея на глазах слезы, с сожалением от себя отпустил.

Сие происшествие и прочие слышал я от графа Матвеева, который в Лондоне послом находился, то есть то, что только с государем случилось в Англии.

5

Царь Петр Алексеевич во младых летах, в 1698 году, будучи в Лондоне, познакомился чрез Меншикова, который неотлучно при нем в путешествии находился и в роскоши и в сладострастии утопал, с одною комедианткою, по прозванию Кросс, которую во время пребывания своего в Англии иногда для любовных забав имел, но никогда, однако ж, сердца своего никакой женщине в оковы не предавал, для того, чтоб чрез то не повредить успехам, которых монарх ожидал от упражнений, в пользу отечества своего воспринятых. Любовь его не была нежная и сильная страсть, но единственное только побуждение натуры. А как при отъезде своем с Меншиковым

послал к сей комедиантке пятьсот гиней, то Кросс, будучи сим подарком недовольна, на скупость российского царя жаловалась и просила его, чтоб он государю о сем пересказал. Меншиков просьбу ея исполнил, донес его величеству, но в ответ получил следующую резолюцию: «Ты, Меншиков, думаешь, что и я такой же мот, как ты! За пятьсот гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила своим передом». На сие Меншиков отвечал: «Какова работа, такова и плата».

6

Апреля 12-го скрытно был государь в парламенте. Там видел он короля на троне и всех вельмож королевства, сидевших купно на скамьях. Прослушав некоторых судей произносимые речи, которых содержание государю переводили, его величество к бывшим с ним россиянам сказал: «Весело слышать то, когда сыны отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно».

7

Король английский Вильгельм, приметя беспримерную охоту царя Петра Алексеевича к морским подвигам, приказал в удовольствие его представить флоту примерную морскую баталию. Из многочисленных кораблей составленный флот в присутствии его чинил разные эволюции и довел сим государя до такого восхищения, что будто бы он от радости, не постыдясь, после сего командовавшему адмиралу при прочих флотских офицерах сказал, что он на сей случай звание английского адмирала предпочитает званию царя российского. Толико влюблен был царь Петр в морскую службу!

Но я знаю достоверное, понеже я слышал из уст монарших, что он сказал так: «Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским».

8

В 1698 году, в мае месяце, Петр Первый, прибыв из Англии паки в Голландию, пред отъездом своим оттуда вздумал еще раз повеселиться на море. Сего ради, имея при себе Меншикова, отправился на судне в город Гардервик, лежащий на берегу моря. На возвратном пути к ночи возсталая такая ужасная буря, что корабельщики потеряли надежду ко спасению и в страхе ожидали бедственного поглощения. Но государь, мужеством огражден-

ный, ободряя их, показывал вид бесстрашия и, смеючись, им говорил: «Слыхали ль вы когда-нибудь, чтоб какой царь утонул в море? Не бойтесь, кормило в моей руке». Наконец, по претерпении штурма, благополучно приехал в прежнее пристанище и, возвратясь в жилище, обняв Лефорта, который в посольстве главным находился, с радостью сказал: «Благодарю Бога, что еще вижу тебя, друга моего. Провидение хранит меня для отечества везде».

Посольство состояло из следующих особ: первый был генерал-адмирал Лефорт, второй — боярин Федор Алексеевич Головин, генерал кригс-комиссар и наместник Сибирский, и третий — Прокофий Богданович Возницын, думный дьяк или статский секретарь, бывший прежде во многих посольствах. В свите посольской находился сам царь Петр Алексеевич, молодой князь Сибирский, происходящий от древних царей сибирских, несколько молодых дворян, которых его величество с собою взял из знатных фамилий яко аманатами верности их отцов, да около семидесяти солдат гвардии. Начальником сих дворян был князь Черкасский, бывший потом канцлером. При чем находился и Меншиков, которого государь любил отлично. Посольство сие отправилось из Москвы в 1697 году через Ригу, где его величество с Меншиковым и с прочими свиты своей осматривал укрепления крепости, что подало шведскому губернатору графу Дальбергу подозрение, почему и приказано было их туда не пущать. Присматривали за ними и делали им разные препятствия и неучтивости, а сие самое и было после причиною воспоследовавшей войны с Карлом XII.

9

Во время пребывания Петра Великого в Лондоне случилось ему видеть на площади фоксала английских бойцов, сражающихся друг с другом лбами, из которых один побивал всех. Возвратясь к себе в дом, рассказывал о таком сражении прочим россиянам и спрашивал их: нет ли охотников из гвардейских grenadiers, при свите находившихся, побиться с силачом лондонским? Вызвался один grenadier мочный, плотный, бывалый в Москве часто на боях кулачных и на себя надеявшийся. Он просил государя, чтоб приказано было сперва посмотреть ему такой битвы, что было позволено.

Grenadier, приметя ухватки их, уверял государя, что он первого и славного бойца сразит разом так, что с русскими впредь биться не пожелает. Его величество, улыбнувшись, говорил ему: «Полно, так ли? Я намерен держать заклад, не постыди нас». — «Изволь, государь, смело держать, надейся, я не только этого удалца, да

и всех с ним товарищей вместе одним кулаком размечу. Ведь я, царь-государь, за Сухаревою башнею против кулашной стены хаживал. Я зубы с челюстями и ребры англичанину высажу».

Спустя несколько дней его величество, пообедав у герцога Леедса, завел разговор о бойцах, которых он видел, и рассказывал ему, что гренадер его первого их витязя победит. Прочие лорды, уверенные о силе и мастерстве победителя своего, против которого никто стоять не мог, осмелились предложить: не угодно ли государю подержать заклад, что англичанин верх одержит? «А сколько?» — спросил государь. — «Пятьсот гиней!» — «Пятьсот гиней? Добро! Но ведайте, господа, что мой боец лбом не бьется, а кулаком обороняется».

К сражению назначен был сад Кармартена, сына Леедсова. Его величество, бывшие при нем россияне, Кармартен и Деан (сей последний был искусный корабельный мастер, которых обоих государь любил и они всегда при нем находились) и прочие лорды прибыли туда. Явились два бойца. Англичанин богатырским своим видом, при первом на соперника своего взгляде, уверял уже почти каждого зрителя, что сие есть для него малая жертва. Все думали, что гренадер не устоит. Тот вызывал соперника своего, но гренадер, поджав руки, стоял прямо, не спускал с ратоборца глаз и ожидал его к себе. Зрители смотрели со вниманием. Англичанин, по обыкновению, нагнув шею, устремил твердый лоб свой против груди гренадерской, шел его сразить, и лишь только чаяли произведенного лбом удара, как вдруг увидели, что гренадер, не допустив его до себя, в миг кулаком своим треснул англичанина по нагбенной шее в становную жилу столь метко и проворно, что шотландский гигант пал на землю и растянулся. Зрители вскричали: «Гусс, гусс!»,* ударили в ладоши, поклонились государю и заклад заплатили. При сем его величество, оборотясь к своим, весело сказал: «Русский кулак стоит английского лба, я думаю, он без шеи». Тотчас сраженному бойцу пущена была кровь. Думали, что он умрет, но он очнулся. Побоище тем кончилось, и слава бойца сего сим случаем погибла. Его величество весьма старался, чтоб английского бойца вылечили. Сего ради, подозвав к себе лекаря и наказывая о излечении, дал врачу двадцать гиней, из выигранного заклада пожаловал победившему гренадеру двадцать гиней, англичанину бойцу — двадцать гиней, бывшим с ним гренадерам — тридцать гиней, черни бросил пятьдесят гиней, а достальные деньги отослал в инвалидный дом. Потом государь приказал тут же всем своим гренадерам прежде бороться, а после между собою сделать кулашный бой, чтоб показать лордам проворство, силу и ухватки

* Hœzée! (голл.) — ура!

русских богатырей, чему все собрание весьма удивлялось, ибо все находившиеся при Петре Великом в путешествии гренадеры выбранны были люди видные, рослые и сильные и прямо похожи были на древних богатырей.

10

В 1698 году, когда царь Петр Алексеевич находился в Вене у Римского цесаря Леопольда и намерен был оттуда отъехать в Италию, получил его величество из Москвы с нарочно присланным гонцом от правителей ведомость о ужасном бунте десяти тысяч последних стрельцов, с литовских границ отошедших самовольно, куда они нарочно для безопасности от столицы удалены были под видом наблюдения польских поступков при избрании нового короля⁸, которые умыслили, по наущению царевны Софии, которая по прежним мятежам находилась тогда уже под стражею в Девичьем монастыре, освободив ее, взвести ее на царство, а царя Петра Алексеевича, не допустив из чужих стран в отечество, засевши на пути, убить, равномерно предати смерти некоторых бояр и всех чужестранцев, в Немецкой слободе живших и в военной службе находившихся. Сего ради, оставя государь дальнейшее странствование, ради пользы государства своего восприятое, спешил немедленно в престольный свой град, чтоб утушить возгоревший пламень изменников, восстановить тишину и оградить все безопасностью.

Итак, оставя в Вене Прокофья Богдановича Возницына полномочным, поехал его величество с Лефортом, Головиным и Меншиковым к Москве и под проводением из Польши взятого от короля Августа генерала Карловича в Преображенское село свое втайне благополучно прибыл. Неожиданное прибытие царя ободрило верноподданных и произвело страх и ужас в ненавистниках особы и царствования его. Он обрел уже опаснейший бунт сей чрез военачальника Шеина и генерала Гордона помощью царедворцов и солдат разрушенным и бунтовщиков под стражею содержанных. На другой день представлены были ему заговорщики мятежа, от которых выслушав достоверную исповедь злого умысла, пред всеми вельможами и при многочисленном народе, и видя, что прежде при многократных бунтах стрельцам оказанные милосердия и прощения не помогают, беззакония же такие угрожают впредь вящшею погибелью, предпринял до крайности ожесточенный монарх, по единогласному верных сынов отечества убеждению и по суду, искоренить до конца главных злодеев извергов государства, а достальных разослать в отдаленнейшие места Сибири, Астрахани и Азова и ненавистное звание стрельцов уничтожить на вечные времена. А как такое по закону

смертное наказание начальникам и прочим виновникам сего бунта продолжалось несколько дней сряду виселицами, усечением глав и колесованием и еще не преставало, то патриарх вздумал идти на место сего страшного позорища и процессии к государю, чтоб просить о пощаде оставшихся еще стрельцов, ибо с три тысячи оных уже казнены были. В намерении умилоствления нес его святейшество образ Богоматери, воображая, что царь казнь сию оставит. Но государь, увидев его тако к себе шествующим, удивился, во-первых, воздал иконе достодолжное поклонение и потом патриарху с гневом говорил: «Всеу употребляешь святыню сию. Зачем пришел сюда? Возвратись и отнеси образ святой туда, где он стоял. Знай, что я разумею страх Божий и почитаю Святую Деву столько же, как и ты. Но ведай при том и то, что долг велит мне спасти подданных и по правосудию наказывать злодеев. Требует закон, требует и народ». Таким изречением показал царь Петр Алексеевич самодержавную власть правосудия и предел сана духовного, дабы впредь в гражданские и государственные дела его святейшество не мешался, — не тако, яко бывало сие при прежних царях, когда патриархи участвовали во всем и без совета их ничто не исполнялось, подобно римским папам почти, которые императорами и коронами некогда повелевали. Царь Алексей Михайлович, мудрый государь и законодатель, первый явил пример над патриархм Никоном, лишив его чина чрез вселенских патриархов за разные беспокойствия, которые чинил сей архипастырь сему монарху, а Петр Великий, прозрев такожде великие в том сани неудобствы, после достоинство патриаршеское в России совсем отставил⁹.

11

Царь Петр Алексеевич взял с собою в Архангельск принятого им в службу знающего саардамского мореплавателя, прозванием Муса, где, построив с ним военный корабль по голландскому образцу, пожаловал сего саардамца капитаном корабля, на котором его величество восприял желание проходить все чины флотские от нижнего до высшего. Некогда, случившись на сем корабле, спрашивал у Муса: «С какого чина начинают служить на корабле?» А как капитан доносил — с матроса, то на сие ему государь сказал: «Хорошо, так я послужу теперь у тебя матросом». Мус, думая, что государь шутит, приказал ему развязать вверху веревку мачты, а он, кинувшись туда немедленно, исполнял должность сию с такою провоностию, как бы делал то настоящий и знающий матрос. Между тем Мус, смотря на государя, от ужаса и страха трепеща, кричал ему вверх: «Довольно, хорошо, царь Питер, полезай вниз!»

Ибо тогда был сильный ветер, и легко бы мог он оттуда слететь. Государь спустился назад благополучно и, увидя капитана совсем в лице изменившегося, спросил его: «Чего ты испугался? Не того, чтоб я погиб, а того, чтоб море не поглотило русского сокровища! Не бойся, капитан, когда бояться зверя, так и в лес не ходить». После сего Мус, мало-помалу опомнясь, стал веселее, приказывал государю раскурить себе трубку табаку, налить пунш и, словом сказать, отправлять и прочие должности простого корабельщика. Монарх исполнял все его повеления скоростижно, подавая сим пример прочим находившимся на корабле подчиненным и подданным своим, каким образом надлежит повиноваться командиру и отправлять должность.

12

При отъезде государевом из Англии некоторые лондонские купцы приходили к его величеству с предложением, дабы позволено было учредить им табашный в России торг, который прежде был запрещаем, и употребляли оный одни только тамо чужестранцы, обещая за такое позволение в казну взнести двадцать тысяч фунтов стерлингов и, сверх того, платить таможенную по договору пошлину, если бы только патриарх не учинил им в том запрещением своим какого подрыва. Его величество, усматривая немалый государству доход, согласился на сие и одному из сих купцов, Гильберту Гаткоту, в рассуждении преткновения такой решительный ответ сказал: «Не опасайтесь. Возвратясь в Москву, дам я о сем указ и постараюсь, чтобы патриарх в табашные дела не мешался. Он при мне блюстителъ только веры, а не таможенный надзиратель».

Сие слышал я от российского в Лондоне резидента Веселовского.

13

Его величество, отменяя старинные обряды, изъясняющие униженности человечества, в 1701 году, декабря 30 дня, запретил, чтоб не писать и не называть уменьшительными именами вместо полного имени Дмитрия Митькою или Ивашкою, чтоб не падать пред ним на колени и чтоб зимою, когда морозно, не снимать шляп и шапок с головы, проходя мимо того дворца, где обитает государь, говоря о сих обычаях так великодушно: «Какое различие между Бога и царя, когда воздавать будут равное обоим почтение? Коленопреклонное моление принадлежит Единому Творцу за те благости, какими он нас наградил. К чему унижать звание, безобразить достоинство человеческое, а в жестокие мо-

розы почесть делать дому моему бесплодную с обнаженною главою, вредить здоровье свое, которое милее и надобнее мне в каждом подданном паче всяких бесполезных поклонов? Менее низкости, более усердия к службе и верности ко мне и государству — сия-то почесть свойственна царю»¹⁰.

14

Его величество, пиршествуя у Лефорта, где находились все генералы и чужестранные министры, между разговорами о путешествии своем польскому резиденту говорил, что он, проезжая чрез Польшу, чуть было на пути с голоду не умер, такую-то бедность нашел он там, — на что резидент отвечал: «Удивляюсь сему, всемилостивейший государь! Я там рожден и воспитан, однако ж, со всем тем, слава Богу, жив, здоров и толст». — «Хорошо, — сказал ему государь, — ты думаешь, что разжирел в Польше, а я думаю, так в Москве, пируя часто с нашими». Резидент позадумался, прочие смеялись, а государь, приметя, что он невесел стал, с улыбкою речь свою к нему продолжал так: «Не гневайся, господин резидент. Я Польше приятель и шутил. Знают все, что она изобильна и богата, только теперь она богаче еще тем, что Август у вас король». Потом приказал поднести ему покал венгерского вина, сказав: «Выпьем за здоровье Августа. За сей напиток благодарим мы вас, У нас, в Москве — доморощенный квас, мед да пиво, а со временем из Астрахани и с Дона иметь будем и вино. Тогда господ министров попотчую я своим, а не чужим».

15

Некогда у Лефорта на пиру был государь с генералами и министрами¹¹. А как за столом довольно пили, и лишь только было развеселились, как нечаянно зашел разговор такой, который всю забаву обратил на печаль и наполнил всех страхом и ужасом. Завели речь о войсках и военном порядке или дисциплине, при которой один из собеседников сказывал: «Чтоб иметь исправных и добрых офицеров, то надобно для того наблюдать службу и старшинство». Вслушавшись в сие, Петр Великий отвечал ему: «Ты говоришь правду. Это есть то самое правило, которое я желал установить, и для примера был барабанщик в роте у Лефорта». Но при сем, взглянув тотчас грозным видом на генерала Шеина, против него сидевшего, продолжал далее: «Я знаю, нарушая мои намерения и указы, некоторые генералы продают упалые места в своих полках и торгуют такую драгоценностию, которую надлежало бы давать за достоинство». Шеин спрашивал государя: «Кто б такие были?» А сие самое и воспи-

ламенило вдруг монарха, с сердцем отвечающего: «Ты первый, ты тот самый!» Причем, выхватя из ножен шпагу, начал его рубить по столу так, что все присутствующие гости затрепетали: «Вмиг истреблю тебя и полк твой! Я имею список проданных тобою мест и усмирю сею шпагою плутовство твое!» При сих словах хотели было прочие генералы извинить генерала Шеина, однако государь, не внимая ничего, кроме праведного гнева, в такую пришел запальчивость, что начал махать шпагою на все стороны без разбору. Слегка досталось оною князю Ромодановскому и Зотову, а между тем, добирался он до самого Шеина, чтоб его поранить. Но любимцем своим Лефортом, который в таких случаях один имел смелость удерживать царя, был схвачен. Государь, воспаленный сердцем, выступивший из самого себя, оттолкнул Лефорта и его ранил. Лефорт, оставя страх и ведая нрав, сколь младый монарх скороотходчив и мягкосерд, пренебрег без смятения нанесенный себе удар, остановил его, просил, чтоб он перестал гневаться, вспомнил бы, что он есть исправитель и что великодушие сопряжено со славою и честью героя и законодателя. Таким образом смягчил он государя так, что его величество, опомнясь, простил Шеина, а принятых им офицеров уничтожил. Потом, признавшись в слабости своей пред всеми, тотчас с раскаянием и сожалением, обнявши Лефорта, говорил: «Прости, любезный друг, я виноват. Я исправляю подданных своих и не могу исправить еще самого себя — проклятая привычка, несчастное воспитание, которого по сию пору преодолеть не могу, хотя всячески стараюсь и помышляю о том!»

Таким образом кончилось страшное сие происшествие, которое после сделало государя воздержаннее, ибо сею внезапностью чуть было не лишился друга своего Лефорта, которого рана без дальнейших следствий скоро и благополучно исцелена была.

Многие обвиняют государя по сему безмерною лютостию. Но представьте себе, какой бы монарх снес такое пренебрежение, когда, невзирая на все попечение и усиленные труды для пользы отечества, вводимый порядок расторгают и вместо блага чинятся злоупотребления?¹²

16

По смерти любимца Лефорта государь учинил ему со всеми почестями, достоинству и заслугам его принадлежащими, славное погребение, при котором шел монарх за гробом до самой реформатской церкви, где при сказывании предики пастором Стумфиусом, когда вычислял он сего мужа заслуги, оказанные им государю и России, его величество обливался слезами и по окончании оная, повелел снять крышку с гроба, подошел к по-

койному генералу-адмиралу, обнял его и прощался с ним в последний раз с таким сокрушением, что все бывшие при сем чужестранные министры с чрезвычайным удивлением смотрели на сие плачевное зрелище. Потом провожающие знатные особы званы были в дом покойного адмирала, где приготовлен был, по тогдашнему обычаю, поминочный ужин. Между тем, как уряжали стол, и государь тогда на короткое время отлучился, то некоторые бояре потихоньку убрались домой, но его величество по возвращении своем, встретя их сходящих с крыльца, воротил назад за собою, вошел в залу и, с негодованием смотря на них, говорил: «Я вижу, вы спешите для того, чтоб дома веселиться смертию адмирала. Вы боитесь быть при сем печальном пире для того, чтоб ложно принимаемый вид печали скоро не исчез и радость ваша предо мною не обнаружилась. Боже мой, какие ненавистники! Вы торжествуете теперь, как будто получили великую победу смертию такого мужа, которого я искренно любил и который служил мне столь верно. Я научу вас почитать достойных людей! Верность Франца Яковлевича пребудет в сердце моем, доколе я жив, и по смерти понесу ее с собою во гроб».

17

В 1703 году, когда Канецкая крепость, или Канцы, взята была, то получена ведомость о приходе на взморье шведских кораблей и что они у устья Невы реки сделали в город лозунг двумя выстрелами из пушки. Фельдмаршал Шереметев приказал отвечать им в своем обозе также двумя выстрелами, чтоб тем скрыть от кораблей взятие сего городка и чтоб их обмануть. По сему лозунгу прислан был на берег с адмиральского корабля бот для лоцманов российских войск. Караул, скрывшийся в лесу, поймал одного из шведских матросов (прочие же ушли), от которого сведения, что тою эскадрою командует вице-адмирал Нумерс. Потом пришли два шведские военные судна и стали пред устьем Невы реки. Уведомленный о сем, царь Петр Алексеевич яко капитан бомбардирской роты и порутчик Меншиков, в тридцати лодках, с гренадерами и солдатами Преображенского и Семеновского полков, отправился туда и, ввечеру прибыв на устье, скрылся за островом против деревни Калинкиной к морю. На рассвете государь с половиною лодок поплыл греблею подле Васильевского острова под прикрытием леса и объехал сии суда от моря, а другой половине велел пуститься на них сверху. Неприятель, увидевши сие, вступил в бой и на парусах пробивался к эскадре. Однако его величество, догнав сии суда и невзирая на жестокую стрельбу из пушек, одною ружейною стрельбою и гранатами оба судна взял и привел в лагерь

к фельдмаршалу. На одном было десять пушек, а на другом — четырнадцать. Государь, возблагодаря за сию первую морскую победу Бога при троекратной стрельбе из пушек, после молебна фельдмаршалу и прочим генералам говорил: «Я рекомендую вам, господин фельдмаршал, бывших со мною офицеров и солдат. Сия победа храбростию их получена. Благодаря Вышнего, небывалое сбылось: мы лодками начинаем уже брать неприятельские корабли». За сию викторию бомбардирской капитан и поручик Меншиков сделаны кавалерами ордена святого Андрея, также и господин постельничий Головкин, который в той же партии находился. Кавалерии наложены были на них чрез адмирала графа Головина, яко первого кавалера сего ордена, а офицерам даны золотые медали с цепями, солдатам же — медали без цепей.

18

Петр Великий, желая Россию поставить на степень европейских народов, нравственных как просвещением наук и художеств, так обращением и одеждою, выдал указ брить бороды и носить платье короткое немецкое, говоря при том придворным боярам: «Я желаю преобразить светских козлов, то есть монахов и попов, первых — чтоб они без бород походили в добре на европейцев, а другие — чтоб они, хотя с бородами, в церквах учили бы прихожан христианским добродетелям так, как видал и слышал я учащихся в Германии пасторов». При чем, рассмеявшись, примолвил к сему и еще и то: «Ведь наши старики по невежеству думают, что без бороды не внидут в царство небесное, хотя у Бога отверзто оно для всех честных людей, какого бы закона верующие в него ни были, с бородами ли они или без бород, с париками ли они или плешивые, в длинном ли сарафане или в коротком кафтане».

19

По кончине первого любимца генерала-адмирала Лефорта место его заступил у царя Петра Алексеевича граф Федор Алексеевич Головин, а по особливой милости — Меншиков, но он беспокоился еще тем, что видел себе противуборницу свою при его величестве Анну Ивановну Монс, которую тогда государь любил и которая казалась быть владычицею сердца молодого монарха. Сего ради Меншиков предпринял, всячески стараясь о том, каким бы образом ее привести в немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монс была дочь лифляндского купца¹³, торговавшего винами, чрезвычайная красавица, приятного вида, ласкового обхождения, однако посредственной остроты и разума, что последующее происхождение доказывает.

Несмотря на то, что государь несколько лет ее при себе имел и безмерно обогатил, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложение бранденбургского посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замуж, если только царское на то будет благословение. Представьте себе: не сумасшествие ли это? Предпочесть двадцатисемилетнему, разумом одаренному и видному государю чужестранца, ни тем, ни другим не блистающего! Здесь скажут мне, что любовь слепа, — подлинно так, ибо она на самом верху благополучия девицу сию нелепой и необузданной страсти покорила. Ко исполнению такого намерения положила она посоветовать о том с Меншиковым и просить его, чтоб он у государя им споспешествовал.

Кейзерлинг нашел случай говорить о том с любимцем царским, который внутренне сему радовался, из лукавства оказывал ему свое доброхотство, в таком предприятии более еще его подкреплял, изъясняя ему, что государю, конечно, не будет сие противно, если только она склонна.

Но прежде, нежели будет он о сем деле его величеству говорить, надлежит ему самому слышать сие от нея и письменно показать, что она желает вступить в брак с Кейзерлингом. Для сего послал он к ней верную ея подругу Вейдиль, чтоб она с нею обо всем переговорила, которой призналась Монс чистосердечно, что лучше бы хотела выйти за Кейзерлинга, которого любит, нежели за иного, когда государь позволит. Меншиков, получив такую ведомость, не упустил сам видеться с сегою девицею и отобрать подлинно не только устно мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получил он такое от нея прошение, немедленно пошел к государю и хитрым образом сказывал ему так: «Ну, всемилоостивейший государь, ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монс вас паче всего на свете любит. Но что скажете теперь, когда я вам противное доложу?» — «Перестань, Александр, врать, — отвечал государь, — я знаю верно, что она одного меня любит, и никто иначе меня не уверит, разве скажет она то мне сама». При сем Меншиков вынул из кармана своеручное ея письмо и поднес государю. Монарх, увидя во оном такую не ожидаемую переписку, хотя и прогневался, однако не совсем по отличной к ней милости сему верил. А дабы вящше в деле сем удостовериться, то его величество, посетив ее в тот же день, рассказывал ей без сердца о той вести, какую ему Меншиков от нея принес. Она в том не отрицалась. И так государь, изблотив ее неверностию и дурачеством, взял от нея алмазами украшенный свой портрет, который она носила, и при том сказал: «Любить царя — надлежало иметь царя в голове, которого у тебя не было. И когда ты обо мне мало думала и неверною стала, так не

для чего уже иметь тебе мой портрет». Но был так великодушен, что дал уборы, драгоценные вещи и все пожалованное оставил ей для того, чтоб она, пользуясь оными, со временем почувствовала угрызение совести, колико она против него была неблагодарна. Вскоре после того вышла она замуж за Кейзерлинга, но, опомнясь о неоцененной потере, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно так, что получила гектоническую болезнь, от которой в том же году умерла¹⁴.

Такою-то хитростию и лукавством генерал-майор Меншиков, свергнув с себя опасное иго, сделался потом игралищем всякого счастья и был первым государским любимцем, ибо при ней таковым еще не был. После сего приключения государь Петр Великий никакой уже прямой любовницы не имел, а избрал своею супругою Екатерину Алексеевну, которую за отличные душевные дарования и за оказанные его особе и отечеству заслуги при жизни своей короновал¹⁵.

20

В 1702 году города Олонца поп Иван Окулов, уведавший о шведах, что они стояли в Карельском уезде, собрал охотников из порубежных жителей с тысячу человек, пошел за шведский рубеж, разбил неприятельские заставы, победил до четырехсот шведов, взял рейтарские знамена, барабаны, ружья и провиант. А как то неожиданное происшествие дошло до сведения его царского величества, то государь фельдмаршалу Шереметеву сказал: «Слыхал ли кто такое диво, что поп учит духовных сынов: отворите врата купно в рай и в шведскую область!» Пожаловал его величество попу двести рублей, красного сукна, с позументом рясу и золотую медаль и бывшим при том действии по хорошему русскому кафтану, по два рубля денег и по тесаку для обороны впредь, чтоб они его носили за свою службу. Несколько лет после государь бывал в Олонце, пристал у сего попа в доме, который построить ему велел на казенные деньги.

21

В начале 1701 года король польский отправился в принадлежащую князю Радзивиллу при курляндских границах крепостцу Буржу¹⁶, куда прибыл и государь Петр I, равномерно и герцог курляндский Фердинанд для того, чтоб о тогдашних делах противошведских переговорить и учинить условие. Сего ради его величество король польский всячески старался российского монарха разными забавами угостить. И когда за столом были они уже веселы, то Петр Великий пил за здоровье короля польского и,

пожав при том ему руку, говорил: «Да будут мысли наши столь тверды, сколь сильны наши телеса!» На сие отвечал король: «Да здравствует сила, с силой соединенная, которая врагов рассеет в прах». При сем герцог курляндский поклонился обоим государям и при питии за здравие их сказал: «А мне остается благополучно под защитою сил ваших жить, чтобы лев не проглотил курляндцев живых!» Царь Петр, рассмеявшись, сказал ему: «Не бойся, брат, у нас для этого зверя есть железные сети. Когда разинет зев, так дадим ему покушать картечей»¹⁷

22

При свидании с королем Августом в городке Бирже царь Петр Алексеевич остался у него ужинать. Во время стола приметил Август, что поданная ему тарелка серебряная была не чиста, и для того, согнув ее рукою в трубку, бросил в сторону. Петр, думая, что король щеголяет перед ним силою, согнул также тарелку вместе, положил перед себя. Оба сильные государя начали вертеть по две тарелки и перепортили бы весь сервиз, ибо сплющили потом между ладонь две большие чаши, если бы шутку сию не кончил российский монарх следующею речью: «Брат Август, мы гнем серебро изрядно, только надобно потрудиться, как бы согнуть нам шведское железо».

23

Известно, что Петр Великий и Август, король польский, имели силу телесную необычайную и превосходящую силу человеческую. В один день, когда случилось быть обоим сим монархам вместе в городе Торне¹⁸, представлено было зрелище битвы буйволов. Тут захотелось поблистать Августу пред царем богатством своим и сего ради, схватя за рог рассвирепевшего буйвола, который упрямился идти, одним махом саблею отсек ему голову. «Постой, брат Август, — сказал ему Петр, — я не хочу являть силы своей над животным, прикажи подать сверток сукна!» По внесении царь, взяв одною рукою сверток, кинул его вверх, а другою рукою, выдернув вдруг кортик свой, ударил на лету по нем так мочно, что раскроил на две части. Август сколько потом ни старался учинить то же, но не был в состоянии.

24

Петр Великий имел частое в Варшаве свидание с одною умною и доброю старостиною, которая будучи в родстве с первыми посольскими магнатами, ведала политическую связь и разные дела королевства, а особливо кардинала и примаса Радзиевского интри-

ги и к королю шведскому наклонность, и государю по дружеской привязанности многое открывала. Старостина, зная, что его величество жаловал иногда быть в беседе с польскими красавицами, пригласила к себе несколько госпож, жен польских вельмож, и сего знаменитого гостя вечерним столом при огромной музыке угощала. А как разговор нечаянно зашел о Карле XII, предпринявшем вступить с войсками чрез Польшу в украинские земли, и одна из них, противной стороны Августа и, следовательно, и Петра Великого, быв по любовным интригам с королем в ссоре, под видом учтивой шутки на счет обоих монархов нечто остро сказала, то государь, оборотясь к ней, говорил: «Вы шутите, сударыня, за столом при всех, так позвольте мне после ужина пошутить с вами наедине». Сия экивочная речь в такое привела ее смятение, что после не могла уже ничего промолвить. Но государь умел так сию загадку переверотить, смягчить и обласкать сию госпожу, что в самом деле с нею был наедине и после имел ее своею приятельницею.

25

Государь Петр Первый, ехав в Варшаве, вздумал посмотреть один монастырь, чего ради, приближаясь к монастырским воротам, приказывал оные отворить. Но приворотник, не смея сего по обряду учинить, доносил ему, что сии врата святыя. Государь отвечал: «Лжешь, поляк, каменные. Врата в царство небесное святыя. Здесь въедем мы верхом, а туда с добрыми делами пойдем пешком. Отворяй!» Но поляк говорил: «Святой Непомуцен запретил!» — «И то для поляков, — сказал его величество, — а для меня разрешил»¹⁹ Приворотник, поклонясь низко, громко возгласил: «Взмилуйся, наияснейший пане, я того не знал». Потом отворил ворота.

26

По дошедшим слухам к государю, что чужестранцы почитают его немилосердным, говорил его величество следующую речь, достойную блюсти в вечной памяти: «Я ведаю, почитают меня строгим государем и тираном. Богу известны сердце и совесть моя, колико соболезнования имею я от подданных и сколько блага желаю отечеству. Невежество, коварство, упрямство ополчались на меня всегда, с того самого времени, когда полезность в государство вводить и суровые нравы преобразовать намерение принял. Сии-то суть тираны, а не я. Честных, трудолюбивых, повинующихся, разумных сынов отечества возвышаю и награждаю я, а непокорных и зловердных исправляю по необходимости. Пускай злсть клеветет, но совесть моя чиста. Бог судия мой! Непавое разглагольствие в свете аки вихрь преходный».

Читающий сие приметить может, с какою порывистою обнаженностью и соболезнаванием говорил о себе сей великий государь. Имевшим счастье быть близ лица монарха сего известна великая душа его, человеколюбие и милосердие. Много было ему домашних горестей и досад, на гнев преклоняющих, и хотя в первом жару был вспыльчив, однако скороотходчив и непамятозлобен. Ах, если б знали многие то, что известно нам, дивились бы снисхождению его. Все судят только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайных дел его, вострепетал бы от ужаса, что соделывалось против сего монарха.

27

О бунтах стрелецких некогда промолвил государь: «От воспоминания бунтовавших стрельцов, гидр отечества, все уды во мне трепещут. Помысля о том, заснуть не могу. Такова-то была сия кровожаждущая саранча!»

Государь поистине имел иногда в ночное время такие конвульсии в теле, что клал с собою денщика Мурзина, за плеча которого держась, засыпал, что я и сам видел. Днем же нередко вскидывал головою кверху. Сие началось в теле его быть с самого того времени, когда один из мятежных стрельцов в Троицком монастыре пред алтарем, куда его царица, мать его, ради безопасности привела, приставя нож к шее, умертвить его хотел, а до того личных ужимок и кривления шеею не бывало.

28

Буде виноватый принесет чистую повинную государю, прощал милосердно или умерял наказание по важности преступления и говаривал: «Не делай впредь того, за признание — прощение, за утайку — нет помилования. Лучше грех явный, нежели тайный».

29

Императрица, узнав, что государь ношью беспокоился и мало почивал, на другой день спрашивала его о причине — на что он ей отвечал: «Ах, Катенька, какой сон начальнику, когда судьи его спят».

30

Его величество, сделав маскарад публичный, состоящий из одежд различных народов, и сам присутствуя при том в голландском шкиперском платье, ездил с государынею и с прочими в масках по городу и при сем случае ей говорил: «Радуюсь, видя в самом деле в новой столице разных стран народов». Сказал сие

в таком чайнии, что тогда уже чужестранные в Петербург как сухим путем, так и морем, приезжать начали, чем он был весьма доволен.

31

Когда государь в присутствии своем, в саду, подчивал кушаньем и напитками одного голландского шкипера и, видя, что шкипер пьет и есть много и проворно, тем веселился и денщикам говорил: «Этот Емеля все перемелет. Фельтен, подай сему гостю больше! У нас всего довольно, пусть ест и пьет без платы. Это не в Амстердаме. Шепелев знает, что я трактирщику заплатил в Нимведене сто червонцев за двенадцать яиц, за сыр, масло и две бутылки вина».

32

По привезении Готторпского глобуса в Петербург и постановлении оного близ Летнего дворца в особом месте часто хаживал Петр Великий его смотреть. А как в сем глобусе толико есть пространства, что за круглым столом на лавках десяти человек сидеть можно, то единожды государь Блументросту, мужу ученому, сказал: «Мы теперь в большом мире. Этот мир есть в нас, тако миры суть в мире»²⁰.

33

О жидах говорил его величество: «Я хочу видеть у себя лучше магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они — плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложая. Не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают». Сколько ни старались жида получить позволение быть в России и торговать, однако государь на то не склонился и все просьбы об них уничтожил²¹.

34

Петр Великий, купя в Амстердаме редкие кабинеты, один — анатомический, а другой — разных животных, по привезении оных в Петербург расположил в Смольном дворе, от прочего строения отдаленном, и зрением оных вещей часто по утрам занимался, чтоб иметь в натуральной истории систематическое понятие. Его величество брал меня с собою туда же, где в одно время прилучился быть и граф Ягушинский, который предлагал государю, чтоб для ежегодного содержания и размножения таких

редкостей с зрителей брать некоторую плату, на что государь с неудовольствием при лейб-медице своем Аряшине²² и библиотекаре Шумахере, которым поручена была в смотрение кунст-камера и которым велено было каждого зрителя впускать, вещи те показывать и об них объяснять, сказал: «Павел Иванович, где твой ум? Ты судишь не право. По-твоему — намерение мое было бы бесполезно. Я хочу, чтоб люди смотрели и учились. Надлежит охотников приучать, подчивать и угощать, а не деньги с них брать». Потом, обратясь к Аряшину, о сем повеление давал, определяя на то особую сумму денег. Такое-то старание имел монарх сей о насаждении наук и знаний в государстве своем. Мило было ему видеть подданных своих, упражняющихся в науках и художествах, и такие-то люди были прямые друзья его, с которыми он просто и милостиво обходился.

35

Неблагодарных людей государь ненавидел и об них говаривал так: «Неблагодарный есть человек без совести, ему верить не должно. Лучше явный враг, нежели подлый льстец и лицемер, такой безобразит человечество».

36

Заслуженных и верных сынов отечества Петр Великий награждал скоро чинами и деревнями и за долговременную службу при отставке давал полное жалованье. Мне случилось слышать, что при отставке одного полковника Карпова, мужа заслуженного, но малоимущего, государь говорил: «Когда служить не может, производить ему по смерти его жалованье да сверх того дать из отписных деревень пятьдесят дворов, чтоб в ней по трудах, которым свидетель я и генералитет, спокойно жил. Ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости с голоду умереть? Кто будет о нем печься, как не я? Инако служить другим неохотно, когда за верную службу нет награды. Ведь я для таких не скуп».

В таком случае государь был щедр и милостив. Ходатаев иметь не надлежало, понеже сам он знал отлично служащих, а о незнакомых приказывал себе обстоятельно доносить чрез Сенат, Военную и Адмиралтейскую коллегии.

37

Его величество на пути своем в Воронеж, под вечер в ненастную погоду, заехал ночевать в деревушку к одному вдовому дворянину, которого не случилось тогда дома и который

по делам был в городе. А, как государь ездил просто, с малым числом людей, да и, кроме одного крестьянина и двух дворовых старух, никого из служителей тут не находилось, то и сочли его проезжим офицером. Государь, вошед в покой, встречен был дворянина того дочерью осмнадцатилетнюю, которая его спрашивала: «Ваша милость кто такой?» — «Я проезжий офицер, заехал к отцу твоему переночевать». — «А как тебя зовут?» — «Петром!» — отвечал монарх. — «Много есть Петров, — продолжала она, — скажи свое прозвание». — «Михайлов, голубушка». — «Петр Михайлов!» — повторяла девушка с некоторым видом удивления и радости. — «Ах, если бы ты был тот Петр Михайлов, который ездит в Воронеж строить корабли и который слывет нашим царем, как бы счастлива была я!»

«А что ж?» — «Я бы попросила у него милости!» — «Куда как ты смела, — сказал он ей, — какую милость и за что?» — «Такую, чтоб он пожаловал что-нибудь отцу моему за то, что под городом Орешком²³ на приступе весь изранен и отставлен капитаном, получает только порутчицкое жалованье, имеет двадцать душ и насилу себя и меня пропитать может да из этого уделяет еще брату моему, который в службе констапелем». — «Правда, жалкое состояние, да что делать?» — «Знать, царь про то не ведает». — «Скажи мне, училась ли ты чему-нибудь?» — «Отец мой выучил меня читать и писать, а покойная мать учила меня шить и хозяйничать». — «Не худо. Прочитай-ка что-нибудь и напиши». Дворянка сие исполнила, показывала ему шитье и холст, который сама ткала.

«Хорошо, — сказал ей проезжий офицер, — ты — достойная девушка, жаль, что я не тот Петр Михайлов, который может делать милости. Однако молись Богу, может быть, при случае, царю донесу, он меня довольно знает и жалует!»

Девушка поклонилась, побежала, принесла ему тотчас квасу, хлеба, масла, яиц, ветчины и без всякой застенчивости от всего сердца потчивала. Потом отвела ему особую горницу, приготовила изрядную постелю, а государь, покоясь, встал рано и, подаря дворянской дочери пять рублей, сказал: «Поклон отцу, и скажи, что заезжал к нему офицер корабельный Петр Михайлов. Прощай! Желаю, чтоб подаренные пять рублей принесли тебе за доброе поведение и за старание об отце своем пятьсот рублей».

На возвратном из Воронежа пути его величество отправил к сей дворянской дочери денщика с таким приказанием: «Бывший недавно у тебя в гостях офицер есть тот самый Петр Михайлов, которого видеть и просить желала. Хотя по пословице: Бог высоко, а царь далеко, однако у первого молитва, а у другого служба не пропадает. За службу отца твоего указал его величест-

во давать ему капитанское жалованье, а тебе, яко достойной дочери его, посылает приданое — пятьсот рублей с тем, что жениха сыщет сам». Что государь вскоре и исполнил, выдав ее за зажиточного дворянина и флотского офицера в Воронеже.

38

Государь любил читать летописи и, собрав их довольно, некогда Феофану Прокоповичу говорил: «Когда увидим мы полную России историю? Я велел перевести многие полезные книги». А Нартову, механику своему, промолвил: «Плюмиера любимое искусство мое точить уже переведено и Штурмова механика».

Я видел сам переведенные на российский язык книги, в Кабинете у государя лежащие, которые наперед изволил он читать и после указал напечатать: 1. Деяния Александра Великого, 2. Гибнерова география, 3. Пуффендорфа Введение в познание европейских государств, 4. Леклерка Архитектурное искусство, 5. Бринкена Искусство корабельного строения, 6. Кугорна Новый образец укреплений, 7. Боргсдорфа Непобедимая крепость, 8. Блонделя и Вобана Искусство укреплений, и еще другие книги, принадлежащие до устройства шлюзов, мельниц, фабрик и горных заводов²⁴.

39

По случаю вновь учрежденных в Петербурге ассамблей или съездов между знатными господами похваляемы были в присутствии государя парижское обхождение, обычай и обряды, на которые отвечал он так: «Добро перенимать у французов художества и науки. Сие желал бы я видеть у себя, а в прочем Париж воняет».

40

В бытность в Олонце при питии марциальных вод его величество, прогуливаясь, сказал лейб-медику Арешкину: «Врачую тело свое водами, а подданных — примерами. И в том и в другом исцеление вижу медленное. Все решит время, на Бога полагаю надежду».

41

Государь, точа человеческую фигуру в токарной машине и будучи весел, что работа удачно идет, спросил механика своего Нартова: «Каково точу я?» И когда Нартов отвечал: «Хорошо»,

то сказал его величество: «Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямец».

42

За обеденным столом в токарной пил государь такое здоровье: «Здравствуй²⁵ тот, кто любит Бога, меня и отечество!»

43

Денщики, жившие в верхнем жиле дворца, каждую почти ночь по молодости заводили между собою игру и такой иногда шум и топот при пляске дельвали, что государь, сим беспокоиваемый, неоднократно унимал их то увещаниями, то угрозами. Наконец, для удобного продолжения забав, вздумали они, когда ложился государь почивать, уходить ночью из дворца, таскаться по шинкам и беседовать у своих приятельниц. Его величество, сведав о таком распутстве, велел для каждого денщика сделать шкаф с постелью, чтоб в ночное время их там запирать и чтоб тем укротить их буйство и гулянье. А как некогда в самую полночь надлежало отправить одного из них в посылку, то, не видя в передней комнате дневального, пошел сам наверх в провождении Нартова с фонарем, ибо Нартов спал в токарной. Его величество, отпирая шкаф за шкапом и не найдя из них ни одного денщика, удивился дерзости их и с гневом сказал: «Мои денщики летают сквозь замки, но я крылья обстригу им завтра дубиною».

Наутрие собрались они и, узнав такое посещение, ожидали с трепетом встречи дубиною. Государь, вышед из спальни в переднюю, увидел всех денщиков в стройном порядке стоящих и воротился вдруг назад. Они испугались пуще прежнего, думали, что пошел за дубиною, но он, вышед из спальни и держа ключ шкапной, говорил им: «Вот вам ключ. Я спал без вас спокойно, вы так исправны, что запирать вас не для чего. Но впредь со двора уходить без приказа моего никто не дерзнет — иначе преступника отворочаю так дубиною, что забудет по ночам гулять и забывать свою должность, или велю держать в крепости коменданту».

Денщики поклонились низко, благодарили судьбу, что гроза миновала благополучно, а государь, улыбнувшись и погрозя им тростью, пошел в Адмиралтейство. Из сего случая видно, колико был отходчив и милостив монарх, прощая по младости человеческие слабости.

Денщики были следующие: два брата Афанасий и Алексей Татищевы, Иван Михайлович Орлов, Мурзин, Пospelой, Александр Борисович Бутурлин, Древник, Блеклой, Нелюбохтин, Су-

воров, Андрей Константинович Нартов, любимый его механик, который учил государя точить. Для дальних посылок непременно курьеры — Шемякин и Чеботаев да для услуг его величества — спальный служитель или камердинер Полубояров. Вот все его приближенные. Для письменных же дел — секретарь Макаров, при нем два писца — Черкасов и Замятин.

44

В самое то время, когда Петр Первый с Меншиковым в 1700 году намерен был с новонабранным войском идти из Новгорода к Нарве и продолжал осаду сего города²⁶, получил он известие о несчастном поражении бывшей своей армии при Нарве с потеряннием артиллерии и со взятием в полон многих генералов и полковников и, огорчась на самого себя, что при сем случае своею особою не присутствовал, великодушно печаль сию снес, и непоколебимым оставшийся продолжать военные подвиги против неприятеля, сказал следующее: «Я знаю, что шведы нас еще несколько раз побеждать будут, но наконец научимся сим побивать их и мы».

45

После первой неудачной осады города Нарвы государь Петр Первый, будучи в Москве и прилагая попечение о наборе войск и о снаряжении их амунициею и орудиями, имел недостаток в пушках. Сего ради, для скорейшего вылития оных, принужден был прибегнуть к церковным колоколам, которых находилось множество лишних. А как и в деньгах был также недостаток, то в крайности такой намерен был поубавить монастырских сокровищ, в золоте и серебре состоящих. Оба сии предприятия могли в нерассудительном народе поселить негодование, который по суеверию и по старинным предрассуждениям лучше бы хотел видеть великолепие церковное, нежели благополучие государства, подкрепляемое таким имуществом. Не видя иного способа, чтоб сделать скорый оборот к вооружению себя против неприятеля, ибо к собиранию с государства податей требовалось долго времени с отягчением народным, и не приступая еще к исполнению такой мысли, находился государь в задумчивости и целые сутки никого к себе не допускал. Колико Меншиков ни был любим, не смел однако ж являться тогда к нему. Тем менее прочие бояре, понеже запрещено было допускать, да и не желал его величество им о том намерении объявлять. Князь Ромодановский, хотя в прочем и был прилеплен к старинным обычаям, однако любил государя и верен был ему паче многих

прочих, а посему не только носил от монарха отличную милость, да и был от него почтен. Узнавши он о сокрушении и уединении его величества, отважился идти к нему, чтоб посоветовать с ним, каким бы образом смутному состоянию помочь. Стража, стоявшая у дверей чертогов царских, ведая, коликую князь имел доверенность, не смела его остановить, ибо все боялись того, что он за восприятие ему входа велит по полномочию своему лишить их живота, не спрашивая о том государя. Таким образом, вошел прямо и, видя Петра Великого по комнате в глубокой задумчивости взад и вперед ходящего, остановился и посмотрел на него, но государь его не примечал. Князь решился идти ему навстречу и с ним столкнулся. Его величество пасмурным взором взглянул на него и аки бы удивляющимся его нечаянному приходу, опаматовшись, спросил: «Как ты, дядя,—так его государь иногда называл,—сюда забрел? Разве не сказано тебе, что не велено пускать?» — «Других может быть, а не меня,—отвечал Ромодановский,—меня и родитель твой царь Алексей Михайлович без доклада к себе пускал. Ведомо тебе, что при кончине своей мне тебя вверил. Кто ж в несгоде печься будет о тебе, как не я? Полно крушиться! Скажи, о чем целые сутки думаешь? Царь, отец твой, и царица, мать твоя, наказывали совета моего слушать. Размыкивать горе подобает вместе, а не одному!»

— «Полно, дядя,—сказал государь,—пустое молоть, какой совет, когда в казне денег нет, когда войско ничем не снабдено, артиллерии нет, а сие потребно скоро». Потом начал опять ходить и предаваться размышлениям. Князь Ромодановский, видя царское отчаяние, остановил его паки и говорил сердито: «Долгая дума — большая скорбь. Полно крушиться, открой думу свою, какой к тому находишь способ, авось либо верный твой слуга промыслит полезное». Его величество, зная, что сей достойный муж всегда был блюстителем верности и правды, объявлял ему тайность свою так: «Чтоб иметь артиллерию, для которой нет меди, думаю я по необходимости взять лишние колокола, которые делают только пустой перезвон. Перелив их в пушки, загремлю ими против шведов полезным Отечеству звуком». — «Добро мнишь, Петр Алексеевич, а о деньгах как же?» — «Так, чтоб в монастырях и церквях бесплодно хранящееся сокровище в золоте убавить и натиснить из него деньги». — «На сие нет моего совета. Народ и духовенство станут роптать и почтут грабежом святым». — «О народе я так не мню, для того, что я не разоряю налогами подданных и защищаю отечество от врага, а прочим зажду рот болтать. Лучше пожертвовать суетным богатством, нежели подвергнуться игу иноплемеников». — «Не все так здраво думают, Петр Алексеевич. Сие дело

щекотно, должно придумать иное». — «Ведь деньги, дядя, с неба не упадут, как манна, а без них войско с холоду и голоду умрет! Теперь иного средства нет». — «А я так знаю, что есть и что Бог тебе пошлет. Только сколько надобно?» — «На первый случай около двух миллионов рублей, пока без притеснения народного более получу». — «Не можно ли поменее?» — отвечал князь голосом надежным. — Так я тебе промышлю». К сему слову государь, пристав с веселым уже видом, начал убеждать Ромодановского, чтоб он скорее ему тайность сию объявил, ибо знал, что он лгать не любил. — «Не скажу, а услужу. Успокойся! Довольно того, что я помощь государству в такой крайности учинить должен».

При сем, когда наступила уже ночь, хотел было Ромодановский идти от него прочь, но Петр Великий обнял его, просил неотступно, чтоб он долее не думал, открыл бы ему сие и уверил бы, когда получить деньги, не выпуская его из своих рук. Князь, видя, что уже ему никак отделаться было не можно, сказал: «Жаль мне тебя, Петр Алексеевич, быть так! Пойдем теперь, но не бери с собою никого».

Обрадованный государь и аки бы вновь от сего переродившийся, следовал за ним. Поехали они обще из Преображенска в Кремль. Прибыли в Тайный приказ, над которым был князь Ромодановский главноначальствующим, вошли в присутственную палату, в которой, кроме сторожа, никого не было. Князь приказывал ему отодвигать стоящий у стены шкаф, в котором находились приказные книги. Дряхлый и престарелый сторож трудился, — недоставало его силы. Принялся помогать ему сам государь. Шкап был отодвинут, появилась железная дверь. Любопытство монаршее умножалось. Ромодановский, приступя к дверям, осматривал висящую восковую печать, сличал ее с тем перстнем, который был на его руке и которым вход был запечатан, причем свечу держал его величество. Потом, вынув из кармана хранящийся в кошельке ключ, отпирал оным дверь, — замок заржавел, понеже лет с двадцать отпираем не был и про что никто, кроме князя и сторожа, не ведал, ибо не токмо переставлять шкаф на иное место, да и любопытствовать о сем под лишением живота подчиненным запрещено было со времен царя Алексея Михайловича под видом тем, якобы в находящихся за оным шкапом палатах хранились тайные дела. Потом государь пытался отворять сам, но не мог. Послали сторожа сыскать лом и топор, принялись все трое работать, наконец, чрез силу свою великую ломом монарх дверь отшиб. При входе своем в первую палату, которая была со сводом, к несказанному удивлению, увидел его величество наваленные груды серебряной и позолоченной посуды и сбруи,

мелких серебряных денег и голландских ефимков, которыми торговцы чужестранные платили таможенную пошлину и на которых находилось в середине начеканенное московское клеймо для того, чтоб они вместо рублей в России хождение свое имели, множество соболей, прочей мягкой рухляди, бархатов и шелковых материй, которые либо моль поела, или сгнили. А как государь, смотря на сие последнее и пожимая плечами, сожалел и говорил: «Дядя, это все сгнило», — то князь отвечал: «Да не пропало». По сем любопытство побуждало Петра Великого идти в другую палату посмотреть, что там находится, но князь, его не пустя, остановил и сказал: «Петр Алексеевич, полно с тебя теперь и этого. Будет время, так отдам и достальное. Возьми это и, не трогая монастырского, вели наковать себе денег».

Государь расцеловал почтенного и верного старика, благодарил его за соблюдение сокровища и спрашивал: каким образом, без сведений братьей и сестры его Софии по сию пору сие оставалось. «Таким образом, — отвечал Ромодановский, — когда родитель твой царь Алексей Михайлович в разные времена отъезжал в походы, то по доверенности своей ко мне лишние деньги и сокровища отдавал на сохранение мне. При конце жизни своей, призвав меня к себе, завещал, чтоб я никому сего из наследников не отдавал до тех пор, разве воспоследует в деньгах при войне крайняя нужда. Сие его повеление наблюдая свято и видя ныне твою нужду, вручаю столько, сколько надобно, а впредь все твое». — «Зело благодарен тебе, дядя! Я верности твоей никогда не забуду».

В самом деле, сие помогло толико, что напечатанными из сего деньгами не только войски всем потребным были снабдены, но и войну беспрепятственно продолжать было можно. Перелитые же колокола доставили довольное число пушек. Сия-то великая заслуга поселила в сердце Петровом благодарность такую к князю Ромодановскому, что он пред всеми прочими вельможами князя Ромодановского, которому отменное почтение монарх оказывал и доверенность, более любил²⁷.

46

В 1702 году генерал-фельдмаршал Шереметев, разбив шведского генерала Шлиппенбаха войско, одержал над ним победу, с получением многих пленных, знамен и всей тяжелой артиллерии, и принудил Шлиппенбаха с достальным войском отступить к Пернову. Царь Петр, получив о сей победе известие, сказал: «Благодарение Богу! Наконец достигли мы того, что шведов уже побеждаем».

По взятии от шведов Митавы²⁸, когда российские войска вошли в город и увидели в главной церкви под сводом, где погребены тела герцогов курляндских, что тела их из гробов выброшены и ограблены, то остановясь, прежний караул шведский оставили, призвали полковника шведского и коменданта Кнорринга, которого обличив святотатством гробниц и храма, взяли от него и от жителей сего города письменное свидетельство, что сие учинено его товарищами. Государь, ужаснувшись такому беззаконию, повелел сие свидетельство обнаружить, чтоб знали бесчеловечие шведских солдат и чтоб таким зверством после напрасно россиян не обесчестили, сказав при том сие: «Шведская алчность не дает и мертвым костям покоя. Не довольствуясь грабежом на земле, грабят и под землею».

48

Генерал-майор князь Голицын, одержав над шведским генерал-майором Розеном под Добрым близ реки Напы знатную победу, спрошен был Петром Великим: «Скажи, чем тебя наградить?» На что он отвечал: «Всемилоостивейший государь, простите князя Репнина» (который впал незадолго перед сим в немилость государскую)²⁹. — «Как! — сказал государь, — разве ты забыл, что Репнин твой враг?» — «Знаю, — говорил Голицын, — и для того вашего величества о помиловании его прошу». На сие Петр Великий отвечал: «Великодушие твое похвально, заслуга твоя достойна награды, я для тебя его прощаю». Но сверх того князю Голицыну пожаловал орден святого апостола Андрея. Князь Голицын приобрел при сем случае сугубую славу, как храбростию, так и великодушием, а государь показал, сколь умеет он воздавать подданному за его заслуги.

49

Его величество, получа от генерал-фельдцейхмейстера Брюса письмо, которое прочитав, весело сказал: «Благодарю Бога! Из Нейштата благоприятны ветры к нам дуют». После сего встав, пошел с таким известием к императрице³⁰.

50

Разговаривая государь о бесчеловечных поступках шведов при Нарве, сказал: «Герои знамениты великодушием, а звери лютостию. В шведах первого нет, но последнее везде явно».

Государь, возвратясь из Сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: «Когда б послушны были в добре так упрямы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною. Моя собачка слушает без побой. Знать, в ней более догадки, а в тех заматерелое упрямство».

Рассматривая с Брюсом проекты укреплений крепостей, мысли свои о сем государь объяснял так: «Правда, крепость делает неприятелю отпор, однако у европейцев не надолго. Победу решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита и крепость отечеству. Сидеть за стеною удобно против азиатцев».

«Отпиши, Макаров, к астраханскому губернатору, чтоб впредь лишнего ко мне не бредил, а писал бы о деле кратко и ясно. Знать, он забыл, что я многоглаголивых вралей не люблю. У меня и без того хлопот много. Или велю ему писать к князю Ромодановскому, так он за болтание его проучит³¹».

«Если Бог продлит жизнь и здравие, Петербург будет другой Амстердам».

«Съезди, Мурзин, к князю-цесарю, чтоб пожаловал к нам хлеба кушать. Мы и прочие милостию его цесарского величества довольны. Он повысил нас чинами».

Надлежит знать, что государь за морскую у Гангута баталию объявлен был от князя-цесаря Ромодановского в рассуждении вернооказанные и храбрые службы — вице-адмиралом.

Государю предлагаема была для забавы в одно время в Польше от магнатов охота за зверями, на что он отвечал им благодарствуя: «Довольно охоты той, чтоб гоняться и за шведами».

О писании указов Петр Великий говорил Макарову в токарной: «Надлежит законы и указы писать ясно, чтоб их не перетолковать. Правды в людях мало, а коварства много. Под них такие же подкопы чинят, как и под фортецию».

При строении Кронштадтской гавани и Кроншлота в море присутствовал государь часто сам и князю Меншикову о сем говорил: «Теперь Кронштадт в такое приведен состояние, что неприятель в море близко появиться не смеет. Инако расшибем корабли в щепы. В Петербурге спать будем спокойно».

В день торжествования мира с Швецию в комнате своей государь к ближним при себе говорил, будучи чрезвычайно весел: «Благодать Божия чрез двадцать лет венчает тяжкие труды и утверждает благополучие государства, благополучие и спокойствие мое. Сия радость превышает всякую радость для меня на земле».

Когда императрица сама трудилась с комнатными своими девицами в вышивании по голубому гарнитуру серебром кафтана и по окончании работы поднесла оный его величеству, прося, чтобы благоволил он удостоить труды ея и надеть его в день торжественного ее коронования, то государь, посмотрев на шитье, взял кафтан и тряхнул его. От потрясения полетело с шитья несколько на пол канители, чему, подивясь, сказал: «Смотри, Катенька, пропало дневное жалованье солдата». Сей кафтан в угодность супруги своей имел государь на себе только во время празднества коронации³² и после никогда его не надевал, почитая оный неприлично себе одеждою, ибо обыкновенно носил гвардейский мундир или флотский.

Его величество, чувствуя в себе болезнь, но пренебрегая оною, отправился в сырую погоду на Ладогский канал, а оттуда в Сестрорецк водою и по возвращении, видя оную умножившуюся, Блументросту говорил: «Болезнь упряма, знает то натура, что творит, но о пользе государства пешихся надлежит неусыпно, доколе силы есть».

Беседуя государь с корабельными и парусными мастерами и флотскими офицерами так развеселился, что сам пуще подчивать начал. Тогда каждый, обнимая Петра Великого, уверял о любви своей и о усердной службе, а монарх отвечал им: «За любовь, за верность и службу награда не словом, а делом, сие вы доказали. Я вам благодарен».

Петр Великий, проходя за полночь чертежную свою и приметя Нартова, сидящего за чертежом Кронштадтского канала³³, к которому поручено было ему придумать механические способы, как бы легче и прямее колоть и пилить камень, которым канал устилаться долженствовал, и каким образом отворять и запирать слюзные ворота, подошел к нему, посмотрел на труды его и видя его вздремавшего, а свечу оплывшую и пылающую, ударил по плечу, сказал: «Прилежность твоя, Андрей, похвальна, только не сожги дворца!» На другой день пожаловал ему пятьдесят червонцев двурублевых, говоря при том: «Ты помогаешь мне в надобности моей, а я помогаю тебе в нужде твоей».

Когда Нартов просил его величество окрестить сына его новорожденного, тогда отвечал ему: «Добро!» И оборотясь к государыне с усмешкою сказал: «Смотри, Катенька, как мой токарь и дома точит хорошо». Окрестя, пожаловал он ему триста рублей да золотую медаль — подарок при крещении весьма редкий, ибо Петр Великий на деньги был не члив и свободнее давал деревни. Тогда обещал государь ему деревню, однако за скоро приключившеюся болезнию и кончиною сего не воспоследовало.

Государь, рассматривая в токарной план учреждения Академии Наук в Санкт-Петербурге с архиатером Блументростом при Брюсе и Остермане, взглянув на Нартова, говорил ему: «Надлежит при том быть департаменту художеств, а паче механическому. Привезенное из Парижа от аббата Биньона и писанное тобою о сем прибавить желание мое — насадить в столице сей рукомерслие, науки и художества вообще». При сем случае его величество назначил быть президентом сея Академии Блументроста.

Докладывано было государю, что в Петербург приехали плясуны и балансеры, представляющие разные удивительные штуки, на что его величество генералу-полицмейстеру Девиеру ответил так: «Здесь надобны художники, а не фигляры. Я видел в Париже множество шарлатанов на площадях. Петербург не Париж, пускай чиновные смотрят дурачества такие неделю, только с каждого зеваки не больше гривны, а для простого народа выставить сих бродяг безденежно пред моим садом на лугу, потом выслать из города вон. К таким праздностям приучать не должно. У меня и своих фигляров между матросами довольно, которые по корабельным снастям пляшут и головами вниз становятся на мачтовом верхнем марсе. Пришельцам, шатунам сорить деньги без пользы — грех».

При случае фейерверка, которым император во время мирного торжества³⁴ управлял и сам оный зажигал, — когда он удачно кончился, то придворные льстецы, выхваляя, что огни государь удивительно пускал хорошо, однако при том действии быть опасно, получили следующий от монарха ответ: «Такие ли огни пушал я при Полтаве, да не ранен!»

Его величество, взяв с собою прибывшего из Парижа, в службу принятого, славного архитектора и инженера Леблona, при котором случае по повелению монаршему находился и Нартов с чертежом, который делал он, поехал в шлюпке на Васильевский остров, который довольно был уже выстроен и канавы были прорыты. Обходя сей остров, размеривая места и показывая архитектору план, спрашивал: что при таких погрешностях делать надлежит. Леблон, пожав плечами, доносил: «Все скрыть, государь, сломать, строить вновь и другие вырыть каналы». На что его величество с великим неудовольствием и досадою сказал: «И я думаю то ж».

Государь возвратился потом во дворец, развернул паки план, видел, что по оному не исполнено и что ошибки невозвратные, призвал князя Меншикова, которому в отсутствие государево над сим главное смотрение поручено было, и с гневом грозно говорил: «Василья Корчмина батареи лучше распоряжены были на острове, нежели под твоим смотрением теперешное тут строение. От того был успех, а от сего убыток невозвратный. Ты

безграмотный, ни счета, ни меры не знаешь. Черт тебя побери и с островом!» При сем, подступя к Меншикову, схватил его за грудь, потряс его столь сильно, что чуть было душа из него не выскочила, и вытолкнул потом вон. Все думали, что князь Меншиков чрез сию вину лишится милости, однако государь после, пришед в себя, кротко говорил: «Я виноват сам, да поздно. Сие дело не Меншиково, он не строитель, а разоритель городов».

Василий Корчмин — бомбардирской роты офицер, которого батареи на Васильевском острове на берегу устья реки Невы с великим успехом действовали в море против приплывших шведов и по имени которого прозван сей остров³⁵.

69

Петр Великий, сажая сам дубовые желуди близ Петербурга по Петергофской дороге, желал, чтобы везде разводим был дуб. И приметив, что один из стоящих тут знатных особ трудами его улыбнулся, оборотясь к нему, гневно промолвил: «Понимаю, ты мнишь, не доживу я матерых дубов. Правда, но ты дурак. Я оставляю пример прочим, чтоб, делая то же, потомки со временем строили из них корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь».

О разведении и соблюдении лесов изданы были государем многие указы строгие, ибо сие было одно из важнейших его предметов.

70

Будучи на строении Ладожского канала и радуясь успешной работе, к строителям государь говорил: «Невою видели из Европы ходящие суда, а Волгою нашею, — указав на канал, — увидят в Петербурге торгующих азиатцев».

Желание его величества было безмерное соединить сим море Каспийское с морем Балтийским и составить в государстве своем коммерцию северо-западную и восточную чрез сопряжение рек Мсты и Тверцы одним каналом из Финляндского залива чрез Неву реку в Ладожское озеро, оттуда чрез реку Волхов и озеро Ильмень, в которое впадает Мста, а тою рекою до Тверцы, впадающей в Волгу, а сею — в Каспийское море.

71

Петр Великий был истинный богопочитатель и блюститель веры христианския и, подавая многие собою примеры того, говаривал о вольнодумцах и безбожниках так: «Кто не верует

в Бога, тот либо сумасшедший, либо с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен».

72

Генерал-полицмейстеру Девиеру, доносившему о явившихся кликушах, приказывал его величество так: «Кликуше за первый раз — плети, за второй — кнут, а если и за сим не уймется, то быть без языка, чтоб впредь не кликали и народ не обманывали!»

73

О ложнобеснующихся говорил государь: «Надлежит попытаться из беснующегося выгонять беса кнутом. Хвост кнута длиннее хвоста чертовского. Пора заблуждения искоренять из народа!»

74

Когда о корыстолюбивых преступлениях князя Меншикова представляемо было его величеству докладом, домогаясь всячески при таком удобном случае привести его в совершенную немилость и несчастье, то сказал государь: «Вина немалая, да прежние заслуги более».

Правда, вина была уголовная, однако государь наказал его только денежным взысканием, а в токарной тайно при мне одном выколотил его дубиной и потом сказал: «Теперь в последний раз дубина, ей, впредь, Александр, берегись!»³⁶

75

Его величество, присутствуя на иордани и командуя сам полками, возвратясь во дворец, императрице говорил: «Зрелище приятное — видеть строй десяти полков на льду Невы, кругом иордани стоящих. Во Франции не поверили бы сему». Потом, оборотясь к штаб-офицерам гвардейским, сказал: «Мороз сильный, только солдаты мои сильнее. Они маршировали так исправно, что пар только шел столбом и усами только поворачивали. Я заметил, господа чужестранные министры закутались в шубах, дивились тому и пожимали плечами, почитая, может быть, сие жестокостию, но мы родились на севере и сносить такой мороз можем. Приучать солдата к теплу не должно».

76

Шествующему императору в Сенат на дороге пал в ноги юноша лет пятнадцати и, подавая челобитную, просил в ней

о прощении отца своего, за преступление к смерти осужденного, возглашая со слезами так: «Всемиловитейший государь, помилуй несчастного отца моего, повели вместо его наказать меня, готов умереть за него». Его величество, развернув бумагу и посмотрев в нее, сказал: «Он виноват, а ты нет». Потом хотел идти далее. Однако просящий юноша паки пал лицом к земли, схватил за ноги монаршие и, рыдая, говорил: «Помилуй, отца и меня, я вину его вашему величеству заслужу и Богом исполнить сие обещаюсь». Государь, сожалением тронутый, спросил его: «Кто тебя научил?» — «Никто, — отвечал смело стоящий на коленях отрок, — сыновняя любовь, со смертию его — смерть и моя». По сем Петр Великий, пристально посмотрев на лицо юноши сего, коего черты обещевали быть в нем честного человека и доброго слугу государства, понеже его величество проницанием своим в избрании подданных нелегко ошибался и имел дарование по наружности людей познавать, сказал: «Убедительный пример — счастлив отец, имея такого сына!»

Его величество вошел в Сенат, пересказывал сыновнюю к отцу горячность, велел прошение сие прочесть и несчастному даровать жизнь. А сын его, записанный в службу, самым делом, усердием и верностью своего уверение сие исполнил, достигнув заслугами до чина генеральского, который был мне хороший приятель и по фамилии прозывался Желябужский.

77

Его императорское величество, ради мирного со Швецию торжества, возблагодаря Бога и желая к народу показать милосердие, отпустил преступления тяжких вин, оставил государственные долги и недоимки, отворил заключенным двери темниц и даровал свободу, говоря с восхищением: «Прощаю и молю Бога, да простит мне. Но никто же без греха, кроме сотворившего нас. Отпуская другим, отпустится и нам. Пусть веселится и радуется со мной Россия, чувствуя промысл Вышнего!»³⁷

78

Некогда отдан был в походе один офицер гвардии под военный суд, который за неосторожный против военных законов проступок, учиненный им против неприятеля, присудил его повесить. Сентенция была объявлена ему в присутствии его полковника, государя. Осужденный, поклонясь его величеству, просил так: «Виноват, но будь милостив яко Бог, избавь от виселицы и от позорной смерти!» Петр Великий на сие отвечал: «Добро, ради прежней службы облегчить и расстрелять!» А офицер, по-

клонясь, говорил паки: «Я лучше бы желал быть застрелен от неприятелей, нежели от своих солдат, с которыми защищал отечество. Помилуй, государь, вспомни прежнюю верность мою, посмотри на раны и прости! Обещаюсь быть осторожнее и вину свою заслужить. Оплошность моя, а не измена». При чем вдруг открыл грудь свою, обнажил руку и показывал язвы и пластыри. Монарх переменился в лице, на глазах явились слезы. Встал с места своего и к судящим штаб- и обер-офицерам снисходительно сказал: «Что теперь, господа, скажете?» А как они молчали и ожидали последнего решения от государя, то гласом милосердным заключил сей суд так: «Сии свидетельства даруют тебе живот. Прощаем, только блюди обещание», — что сей офицер в самом деле исполнил. Вскоре после того выпросился он у государя с особым отрядом, напал с такою храбростию на шведов, что, разбив их, одержал победу и, будучи при сем случае вновь ранен в голову, умер. Однако, будучи несколько часов до смерти жив, при конце последнего издыхания в палатке к офицерам с радостью говорил: «Теперь-то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслужив вину свою пред государем».

79

Петр Великий не любил никакой пышности, великолепия и многих прислужников. Публичные столы отправлял у князя Меншикова, куда званы были и чужестранные министры. У себя же за обыкновенным столом не приказано было служить придворным лакеям. Кушанье его было: кислые щи, студени, каша, жареное с огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отменно жаловал лимбургский сыр. Все сие подавал мундкох его Фельтен. Водку употреблял государь анисовую. Обыкновенное питье — квас, во время обеда пил вино «Эрмитаж», а иногда венгерское. Рыбы никогда не кушал. За стулом стоял всегда один из дневальных денщиков. О лакеях же говаривал: «Не должно иметь рабов свидетелями того, когда хозяин ест и веселится с друзьями. Они — переносчики вестей, болтают то, чего не было».

80

В беседах его величество бывал весел, разговорчив, обходителен в простоте, без церемоний и вычуров и любил иметь около себя веселых, но умных людей. Досадчиков в беседе не терпел и в наказание тому, кто кого оскорбил словом, давал пить покала по три вина или ковш с вином, называемый «Орел», чтоб лишнего не врал и не обижал. Словом, он и гости его забавлялись

равно. Неприметно было в нем того, что он был самодержавный государь, но казался быть простым гражданином и приятелем. Я многожды бывал с императором в таких беседах и такому обхождению его был свидетель.

Обыкновенно вставал его величество утром часу в пятом, потом с полчаса прохаживался по комнате. Потом Макаров читал ему дела. После, позавтракав, выезжал в шесть часов в одноколке или верхом к работам или на строения, оттуда в Сенат или в Адмиралтейство.

В хорошую погоду хаживал пешком. Обедал в час пополудни. В десять часов пил одну чарку водки и заедал кренделем. В четыре часа после обеда отправлял паки разные дела. По окончании оных тачивал. Потом либо выезжал к кому в гости или дома с ближними веселился. Такая-то жизнь была сего государя. Голландские газеты читывал после обеда, на которые делывал свои примечания и надобное означал в них карандашом, а иное в записной книжке, имея при себе готовальню с потребными инструментами математическими и хирургическими.

Допуск по делам пред государя был в особый кабинет подле токарной или в самую токарную. Обыкновенно допускаемы были: с доклада — канцлер граф Головкин, генерал-прокурор граф Ягужинский, генерал-фельдцейхмейстер граф Брюс, вице-канцлер барон Шафиров, тайный советник Остерман, граф Толстой, сенатор князь Долгорукий, князь Меншиков, генерал-полициймейстер Дивиер, флотские флагманы, корабельные и прочие мастера. Без доклада — князь-цесарь Ромодановский, фельдмаршал граф Шереметев, которых провожал до дверей кабинета своего, да ближние комнатные — механик Нартов, секретарь Макаров, денщики, камердинер Полубояров. Чрез сих-то последних докладываемо было его величеству о приходящих особах. Даже сама императрица Екатерина Алексеевна обсылалась наперед, может ли видеть государя, для того, чтоб не помешать супругу своему в упражнениях. В сих-то комнатах производились все государственные тайности. В них оказываемо было монаршее милосердие и скрытое хозяйское наказание, которое никогда не обнаруживалось и вечному забвению предаваемо было. Я часто видал, как государь за вины знатных чинов людей здесь дубиною потчивал, как они после сего с веселым видом в другие комнаты выходили и со стороны государевой, чтоб посторонние сего не заметили, в тот же день к столу удостоиваны были.

Но все такое исправление чинилось не как от императора подданному, а как от отца сыну: в один день наказан и пожалован. Сколь монарх был вспыльчив, столько и снисходителен. Да иначе ему и быть почти не можно было по тем досадам, которые против добра, устрояемого им, чинились. При всем том был

великодушен и прощал вины великие неоднократно, если раскаяние принесено ему чистосердечное.

81

Петр Великий, употреблял марциальные воды на Истецких железных заводах, расстоянием от Москвы в девяносто верстах по калужской дороге, от Баева колодезя вправо, принадлежавших тогда заводчику Миллеру, куда привезен был и токарный станок, и мне при том быть приказано было, во-первых, для того, чтоб обще с государем точить, а во-вторых, чтоб разные делать опыты над плавкою чугуна для литья пушек.

Для телодвижения кроме точения выковывал сам его величество железные полосы, при плавке из печей выпускал чугун, на верейке бывал в гребле и осматривал на ней укрепления плотин. Во время пребывания своего тамо более четырех недель выковал несколько пуд железа, положив на нем клейма с означением года, месяца и числа, которые и поныне в память трудов сего монарха хранятся на тех заводах. Наконец осведомясь, какую ковач-мастер получает за то плату, при отъезде своем у завододержателя Миллера требовал заработанных денег, сказав ему: «Я выработал у тебя за осьмнадцать пуд осьмнадцать алтын, заплати!» И когда Миллер сии деньги государю вручил, тогда его величество говорил: «Бродя по заводу, избил я подошвы. Возвратясь в Москву, на эти деньги куплю в рядах башмаки», — которые, подлинно купя и нося, показывал многим и рассказывал, что выработал он их своими руками. Чрез сие подавал он подданным образец, что воздаяние приобретается трудами и что он даже низкие работы не пренебрегал и всему учился сам.

82

Его величества камердинер Полубояров жаловался государю, что жена его ослушается и с ним не спит, отговариваясь зубною болью. «Добро, — сказал он, — я ее поучу». В один день, зашедши государь к Полубояровой, когда муж ее был во дворце, спросил ее: «Я слышал, болит у тебя зуб?» — «Нет, государь, — доносила камердинерша с трепетом, — я здорова». — «Я вижу, ты трусишь». От страха не могла она более отрицаться, повиновалась. Он выдернул ей зуб здоровый и после сказал: «Повинуйся впредь мужу и помни, что жена да боится своего мужа, иначе будет без зубов». Потом, возвратясь его величество во дворец, при мне усмехнувшись, Полубоярову говорил: «Поди к жене, я вылечил ее, теперь она ослушна тебе не будет».

Сие точно было так, а не иначе, как прочие рассказывают, будто бы Полубояров, осердясь на жену свою, о зубой боли государю взвел напрасно жалобу, будто бы государь, узнав такую ложь, после за то наказал его дубиной. Намерение его было дать жене почувствовать и привести ее в повиновение к мужу, понеже жалоба на нее от мужа была еще и та, что она, имея любовников, его презирала.

Надобно ведать, что государь часто хирургические операции при разных случаях делывал сам и имел в оном знание. Вырванных зубов находится целый мешок с пеликаном и клещами в кунсткамере.

83

Его величество, сидя у окна и увидев, что на Неве при ветре плавают буеры и другие суда под парусами, прилучившемуся тогда фан-Бруинсу, флотскому офицеру и экипаж-мейстеру, которого он жаловал, сказал: «Господин фан-Бруинс, приготовь мой бот, я с ним повеселюсь. Слава Богу, вижу, что труды мои не тщетны!» Потом, сев с Бруинсом в бот, плавал противу крепости, встречаясь с другими судами, кричал: «гусс, гусс»*. Поворотил к Лахте, оттуда путь восприял к Дубкам, где переночевал. На другой день благополучно возвратился в Петербург.

Государь велел парусные и гребные суда комиссару Потемкину разных чинов людям раздать безденежно, а каким образом оными управлять — написал собственноручную инструкцию, повелев в указный час по сигналу съезжаться для обучения на Неве.

84

Его величество, получив от прусского короля письмо, в котором он благодарил за присланную собственными руками Петра Великого точеную табакерку, на которой изображен был портрет его, сказал Нартову: «Я знал, что работа наша королю приятнее золота. Он таков, как и я, — роскоши и мотовства не любит».

85

Государь, вспомня о фельдмаршале графе Борисе Петровиче Шереметеве, вздохнув, с сожалением сказал: «Бориса Петровича нет уже, не будет скоро и нас. Храбрость и верная его служба не умрут и памятны будут в России всегда».

* Hoozée (голл.) — Ура!

Мне самому случилось видеть неоднократно, что Петр Великий, уважая его отменно, встречал и провожал его не яко подданного, а яко гостя-героя и говаривал: «Я имею дело с командиром войск».

86

В 1719 году, по одержании совершенной победы над шведами³⁸ генералом князем Голицыным, его величество вознамерился пожаловать его деревнями, но он, от сего отрекшись, получил вместо сего шпагу драгоценную и денежное награждение. Князь Голицын, получив от государя деньги, купил на оные шапки, коты и фуфайки и в жестокую зиму роздал их в походе бывшим с ним солдатам. Петр Великий, уведомясь о таком бескорыстии и человеколюбии, душевно был доволен. Увидя князя Голицына и поцеловав его в лоб, сказал ему: «Прямой сын отечества. Ты печешься более о здоровье моих солдат, чем о себе».

87

О духовных имениях рассуждал Петр Великий так: «Монастырские с деревень доходы употреблять надлежит на богоугодные дела и в пользу государства, а не для тунеядцев. Старцу потребно пропитание и одежда, а архиерею — довольно содержание, чтоб сану его было прилично. Наши монахи зажирили. Врата к небеси — вера, пост и молитва. Я очищу им путь к раю хлебом и водою, а не стерлядями и вином. Да не даст пастырь Богу ответа, что худо за заблудшими овцами смотрел!»

О сем учреждение вышло 31 генваря 1724 года.

88

Его величество, возвратясь из Сената, о князе Якове Федоровиче Долгорукове, который был из первых сенаторов, генерал-прокурору графу Ягушинскому говорил: «Князь Яков в Сенате прямой помощник, он судит дельно и мне не потакает, без краснбайства режет прямо правду несмотря на лицо».

89

О произвождении генералов, полковников и офицеров, оказавших услугу, Петр Великий сказал: «Я постараюсь, только как посудит князь-цесарь³⁹. Видите, что я и о себе просить не смею, хотя отечеству с вами послужил верно. Надлежит избрать удобный час, чтоб частым представлением его величество не прогневать».

Что ни будет, я ходатай за вас, хоть и рассердился. Сердце цесаря в руке Божией, помолимся прежде Богу, авось любо будет лад».

Сей князь-цесарь имел такую власть и доверенность, что самого государя в чин вице-адмирала пожаловал за морскую у Гангута баталию. При выездах садился Петр Великий в карете против князя-цесаря, а не рядом с ним, показывая подданным примером, какое оказывает он почтение и повиновение к высшей особе.

Чин вице-адмирала от князя-цесаря объявлен был царю Петру Алексеевичу, яко бывшему контр-адмиралу в Сенате, где князь-цесарь сидел посреди всех сенаторов на троне и давал аудиенцию государю при прочтении письменной реляции подвигов его, в образец прочим, что воинские достоинства получаютс^я единственно по заслугам, а не поро^ю и счастьем. Такое произведение случилось в 1714 году.

90

Некогда князь Меншиков, пришед к дверям токарной комнаты его величества, требовал, чтоб его туда впустили, но, увидя в том препятствие, начал шуметь. На сей шум вышел к нему Нартов и, удержав силою туда войти хотевшего князя Меншикова, объявлял ему, что без особого приказа от государя никого впускать не велено, и потом двери тотчас запер. Такой неприятный отказ сего честолюбивого, тщеславного и гордого вельможу столь рассердил, что он в запальчивости, оборотясь, с великим сердцем сказал: «Добро, Нартов, помни это». О сем происшествии и угрозах донесено было тогда же императору, который в то время точил паникадило в соборную церковь святых апостолов Петра и Павла яко благоговейный дар, посвящаемый им Богу в благодарение за полученное им облегчение от марциальных вод, — на что его величество, рассмеявшись, произнес такую речь: «Где ж скрыться от ищущих и толкующих?» Потом, взглянув взором уверительным, сказал: «Кто дерзнет против мастера моего? Посмотрю. Невежество художеств и наук не терпит, но я наглость решу. Подай, Андрей, чернила и бумагу!»

Государь, тотчас написал на токарном станке следующее и, отдав Нартову, промолвил: «Вот тебе оборона. Прибей сие к дверям и на угрозы Меншикова не смотри. Кому не приказано или кто не позван, да не входит сюда не токмо посторонний, но ниже служитель дома сего, дабы хотя сие место хозяин покойное имел». Сей собственною Петра Великого рукою писанный указ, данный мне, Нартову, находится у меня поныне соблюденным.

После сего не являлись более докучатели, и тишина была около того места толь велия, что монарх, видя себя спокойным и забавляясь тем, механику своему говорил: «Теперь, Андрей, по почте ходящих сюда не слышно. Знать, грома колес наших боятся», — то есть обращения или движения колес махинных. Но в самом деле мнил его величество чрез сие о прибитой к двери бумаге.

91

Андрей Нартов в 1718 году, июня 30-го дня, отправлен был от лица царского с дарами и с несколькими великорослыми солдатами к королю прусскому, имевшему тогда полк потсдамских великанов. По прибытии его в Берлин и Потсдам принят был он королем весьма милостиво и, живши с полгода при дворе, обучал короля несколько точить по собственному желанию его величества и в угодность Петру Великому, с которым находился он в великой дружбе и согласии. Отъезжая из Берлина в Лондон и Париж, в знак отличного благоволения пожалован был Нартов от короля портретом, осыпанным алмазами, и на дорогу получил подарок тысячу червонных, который в рассуждении известной королевской экономии был знатный.

Путешествие Нартова в Париж и Лондон по повелению государеву было ради того, дабы приобрел он вящие успехи в механике и математике, а притом чтоб сделал для собственного упражнения его величества токарные машины, которые поныне в сохранении находятся в Санкт-Петербургской кунсткамере, с вырезанием на каждом станке имени сего российского механика. Сверх того поручено ему было в Лондоне домогаться получить сведения о нововымышленном лучшем парении и гнущии дуба, употребляющегося в корабельное строение, с чертежом потребных к сему печей, и собрать в обоих местах для любопытства монарха своего лучших художников физических инструментов механические и гидраулические модели. Сего ради препоручен он был особливо академии президенту аббату Биньону, астроному де Лафаю, славному художнику Пижону и математику Вариньону, при которых он знание свое в потребном и порученном ему от государя деле к пользе отечества и к чести своей усугубил.

Окончив надлежащее в Париже и долженствуя переселиться в Лондон, оставил он Парижской Академии в знак почтения и памяти выточенные им в присутствии президента Биньона портреты короля Лудовика XIV и XV и дюка Орлеанского, правителя Франции, которые донесь, с начертанием имени

Нартова, в Парижской Академии между редкостями хранятся и обще с точеными фигурами Петра Великого любопытствующим россиянам показываются.

Сей знаменитый учением аббат Биньон во удовлетворение успехов, учиненных Нартовым в науках, написал и отправил к Петру Великому, имея счастье быть самолично знакомым и носить его милость по случаю посещения его величеством Академии, одобрительное письмо, которое по тогдашнему переводу на российском языке от слова до слова гласит тако:

«Государь! Не могу изрещи вашему величеству, с коликою радостью пользуюсь случаем, который представляется к тому, дабы я мог возватися в честь вашего напominания.

Господин Андрей Нартов, который отъезжает, дал нам знать, что рад бы он был, дабы мы подали какое-либо свидетельство вашему величеству о том, еже он между нами чинил. И потому перенял я на себя оное старание с толико вящшею охотою, что кроме превеликой чести, которая мне от того приходит, в писании к вашему величеству, имеем мы об нем донести токмо дела зело полезные. Постоянная его прилежность в учении математическом, великие успехи, которые он учинил в механике, наипаче же во оной части, которая касается до токарного станка, и иные его добрые качества дали нам знать, что во всех вещах ваше величество не ошибается в избрании подданных, которых вы изволите употреблять в свою службу. Сей совершенно сходствует с тем делом, на которое ваше величество изволили его определить. И не возьмете, ваше величество, случая каяться в иждивениях правдиво королевских, которые вы изволите чинить, дабы он мог, путешествуя по вашему указу, получить знания, которые ему потребны. Мы видели недавно три медалии его работы, которые он оставил Академии, яко памятный знак так его искусства, как благодарности его. Одна из тех медалий есть Лудвика XIV, другая — королевская, а третья — его королевского высочества, моего милостивого государя дука д'Орлеана. Невозможно ничего видеть дивнейшего! Чистота, исправность и субтельность находится в них, а металл не лучше выделан выходит из-под штемпеля, яко же он выходит из токарного станка господина Нартова. Он благоволил меня участником учинить в своем секрете и позволил, чтоб я видел сам, как он работает. Усумляло меня, правду сказать, дивное досужество, с которым он изображает одним разом лучка черты или характеры, которые обыкновенными грабштихелями или рыльцами трудно вырезать так хорошо, хотя ими водят гораздо тише.

Вы разумеется, государь, лучше других всю хитрость оного художества, совершенству которого не уничтожили сами спос-

пешествовать. Ваше величество напомним, без сомнения, о медали, которую вы изволили показать, во время пребывания своего в Париже, моему милостивому государю, дуку д'Орлеану. Не един оный опыт, который ваше величество изволили дать о любви своей к наукам и изрядным художествам.

Франция, имевшая счастье стяжать вами несколько времени, и ея же ученые люди имеют оное ж в том, что могут на вас взирать яко на свою главу, соединилася с достальною Европою, дабы дивиться тому, еже ваше величество по вся дни чинит, да успевают те же изрядные художества в ваших областях.

Державцы, государь, увековечивают себя не меньше действительно оною охотою, якоже шумом своих побед и оной империум, иде же вы государствуете с толикою славою и премудростию тако процветет от славного защищения, которые вы тамо даете изрядным художествам и наукам, яко же от числа и простирания ваших завоеваний.

В тех мыслях высочайшего дивления и вкупе же глубочайшего респекта, прошу вас всепокорно милостиво принять, дабы я имел честь нарецися, государь, вашего величества всепокорным и всепослушным слугою — аббат Биньон».

Государь велел письмо сие перевести и некогда отправляющимся по указу его в чужие край для обучения наук и художеств россиянам: Еропкину, Хрущову, Земцову, Овсову, Матвееву, Захарову и Меркурьеву прочесть, сказав им: «Желаю, чтоб и вы с таким же успехом поступали». Потом оный перевод отдал Нартову, а оригинал сохранил у себя в кабинете, Каспийского моря с географическим и физическим описанием, который и поныне хранится в той академии и путешествующим россиянам показывается.

92

При рассуждении о мире со Швециею государь министрам своим сказал: «Я к миру всегда был склонен, но того неприятель слышать не хотел. Что Карл XII запутал упрямством, то распутывать будем умом. А буде и сие ныне не поможет, распутывать будем силою и оружием, доколе мир решит сам Бог».

93

Его величество, идучи от строения Санкт-Петербургской крепости и сядясь в шлюпку, взглянул на первый свой домик и говорил: «От малой хижины возрастает город. Где прежде жили рыбаки, тут сооружается столица Петра. Всему время при помощи Божией».

Господин Соймонов, бывший в персидском походе флотским офицером, рассказывал следующую веселую повесть: государь вздумал единожды по корабельному обычаю сделать забаву и небывалых на каком-либо море в воде оного купать. Его величество сам себя от такой веселости не исключил. За ним последовали адмирал и прочие, хотя для некоторых то и было страшно, чтоб на доске сидя трижды с корабля в воду спускаться. Всего более император тешился при купании Ивана Михайловича Головина, которого обыкновенно изволил называть адмиралтейским басом. Сколь скоро его величество сам его спускать стал, то засмеявшись, сказал: «Опускается бас, чтоб похлебал каспийский квас!» Окунув его глубоко трижды, следовал после сам. По сказанию Соймонова, такое увеселение поручено было делать от государя над всеми под управлением его.

От генерала Василия Яковлевича Левашова слышал я приключение странное. Когда войски, высаженные на берег, шли к Дербенту⁴⁰ и, расположившись станом в таком месте, где пресмыкающиеся змеи в палатках солдат не только беспокоили, но и жалили, от чего люди начали роптать,—о сем тотчас донесено было государю. Его величество, зная в лечебной науке разные способы противу ядов и желая вскоре отвратить вред и правильное негодование и без того утружденных войск, велел добыть растения, называемого зоря, которой змеи не терпят. Наловя несколько змей, приказал тайно, чтоб прочие не ведали, бросить их в зорю, в которую траву они яд свой испустили. Учинив сие, вышел император пред войско, держа в руке змей, показывал их солдатам и говорил: «Я слышу, змеи чинят вред вам. Не бойтесь, от сего времени того не будет. Смотрите: они меня не жалят, не будут жалить и вас».

Солдаты, видя такое чудо, дивились, присвоивали сие премудрости государевой и стали спокойнее. Между тем, под видом благоухания, потому что от сильных жаров в воздухе был запах несносный, собрано было поблизости множество зори и приказано раскласть по палаткам, к которым змеи, чувствуя сей дух, больше уже не ползали.

Таким-то образом знание естественных вещей, отвращая зло, приносит великую пользу, а в не знающих такого средства производит удивление чрезвычайного могущества. Но все ли роды ядовитых змей не терпят зори, того за верное сказать не могу—только с теми змеями было точно так, как сказано.

От него же, генерала Левашова, слышал я, что Петр Великий, въезжая торжественно на коне в город Дербент и зная, по преданиям, что первоначальный строитель оного был Александр Великий, к бывшему при нем генералитету сказал: «Великий Александр построил, а Петр его взял». Сие изречение заключало в себе мысль поистине справедливую, хотя скромностию сего мудрого монарха прикрытую, такую, что Дербент сооружен был Александром Великим и покорен власти Петра Великого, то есть Великий его строил и Великий его взял.

На триумфальных воротах, при торжественном въезде его императорского величества по возвращении из Персидского похода в Москву, над проспектом города Дербента была поставлена следующая латинская надпись, 1722 год в себе содержащая: «Сию крепость соорудил сильный или храбрый, но владеет ею сильнейший или храбрейший».

97

Его величество в Персидском походе, расположась лагерем близ города Тарку⁴¹, намерялся с войском идти к Дербенту. Весьма дальний поход, трудные по морю переправы и по степям знойный жар изнуряли крайне силы солдатские и причиняли в некоторых уныние. Но государь, преодолевая все препятствия, был войску своему всегда примером мужества и неустрашимой храбрости. Под вечер ходил он по лагерю, примечал упражнения солдатские и охотно желал слышать сам, что о сем походе начальники и подчиненные говорят. Наконец, зашел он к генерал-майору Кропотову в палатку, сел и рассуждал, каким образом выгоднее продолжать путь свой далее. Солдаты, близ сей палатки варившие тогда для ужина себе кашу, вели между собою разговор, и когда между прочим один, в разных походах бывалый и заслуженный солдат, мешав кашу и отведав оную, к прочим товарищам сказал: «То-то, братцы, каша, каша — веселая прилука наша», а другой, недавно служивший солдат, вспомяну жену свою и вздохнув, на то ему отвечал: «Ах, какое, брат, веселье, разлука — несгода наша!» — «Врешь, дурак, — продолжал старый солдат, ударив его по плечу, — в походе с царем быть, должно жену и несгodu забыть».

Петр Великий, услышав сие, вдруг выскочил из палатки и спросил у солдат: «Кто кашу весельем и кто разлукой называет?» Стоявшие при том солдаты показали ему обоих. Монарх, оборотясь потом к Кропотову, приказывал так: «За такое веселье

жалую сего солдата в сержанты (дав ему на позумент пять рублей), а того, который в походе вспоминает разлуку, послать при первом случае на приступ, чтоб лучше к войне привыкал, о чем в приказе во всем войске объявить». Что и было исполнено.

В 1722 году, в июне месяце, император Петр Великий, собираясь из Астрахани в поход к Дербенту, давал аудиенцию прибывшему из заволжских кочевых улусов для учинения всеподданнейшего поклона хану калмыцкому, под покровительством России находившемуся, который просил государя и супругу его императрицу Екатерину Алексеевну, чтоб они благоволили осчастливить посещением своим за Волгою, верстах в пятнадцати, его ханское жилище, где он с двадцатью тысячами кибитками подданных своих калмык кочевал.

Его величество, приняв милостиво ханское прошение, на другой день из Астрахани туда отправился, в препровождении астраханского губернатора, прочего генералитета, несколько эскадронов драгун и казаков, верхами к хану, а императрица ехала в открытой коляске, везомой шестью персидскими конями. Калмыцкий хан с князьями и чиновниками встретил их величеств версты с три, и потом, поскакав наперед к кочевью, у расставленного на возвышенном месте великолепного персидского шатра, с женою, детьми и прочими знатными калмыками, при собрании калмыцкого войска, по степи насеянного, сих драгоценных и высоких гостей с пушечною пальбою принял.

По обычаю своему, угощал хан разными яствами и плодами на серебряных лотках, а чихирь подносил сам хан и ханка в золотых кубках. Во время обеда император разговаривал с ним о персидских возмущениях, а как речь дошла и до европейских военных дел, то хан рассказывал государю обращения европейских дворов столь обстоятельно, как будто бы имел он с ними сношения. Петр Великий, подивясь такому сведению, спрашивал, чрез кого он сие ведает? «Чрез сего калмыка, — отвечал хан, — которого видите позади меня стоящего. Я посылаю его учиться языкам. Он был в Вене, в Париже и в Лондоне. Чрез Москву получает он печатные ведомости, переводит на калмыцкий язык и читает мне оные». Его величество похвалил такое любопытство.

После обеда представил хан императору войско свое на конях, которое покрывало все поле на пространство, едва-едва глазом объять могущее. Калмыки по обряду своему делали копьями эксерсии и из луков кидали стрелы столь проворно и метко, что его величество немало сим забавлялся и сам с ханом стрелял

из лука. Потом пожаловал хану саблю, украшенную алмазами, которую хан поцеловал и, обнажив, велел калмыкам составить круг. По возгласу его одним разом из луков вылетела тьма стрел, в верх воздуха пущенных, и калмыки с ужасным криком императора поздравляли, причем хан, поклонясь его величеству, говорил: «Сия сабля и пущенные стрелы всегда со мной готовы против неприятеля, вели только, и поражу».

Петр Великий, доволен будучи усердием ханским, велел астраханскому губернатору подать приведенный штандарт, на котором на одной стороне изображен был российский герб, а на другой — вензелевое имя его величества, и в виду всего калмыцкого войска хану вручив, сказал: «Сие знамя хану и войску его жалую за усердие, в знак покровительства». Потом подарил ему перо страусово в шапку, бархатом малиновым покрытую соболью шубу и парчовый кафтан, чиновным людям — по суконному красному кафтану, а войску его велел чрез губернатора раздать двадцать тысяч рублей. Императрица же пожаловала ханше пояс парчовый с изумрудною пряжкой, кисть жемчужную на шапку да несколько кусков парчи и шелковых материй.

99

Его величество за столом с знатными генералами и полководцами о славных государях и о Александре Великом говорил: «Какой тот великий герой, который воюет ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателем Вселенныя! Александр — не Юлий Цезарь. Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света. Последователям его — неудачный успех». Под последователями разумел государь Густав-Адольфа и Карла XII.

100

О мире промолвил государь так: «Мир — хорошо, однако притом дремать не надлежит, чтоб не связали рук, да и солдаты чтоб не сделались бабами».

101

При опытах машиною пневматическою, показываемых императрице, когда под хрустальный колокол посажена была ласточка, государь, видя, что воздуха было вытянуто столько, что птичка зашаталась и крыльями затрепетала, Аряшкину сказал: «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной, она — не разбойник». А государыня к нему примолвила: «Я думаю, дети по ней

в гнезде плачут». Потом, взяв у Аряшкина ласточку, поднесла к окну и выпустила.

Не изъявляет ли сие мягкосердия монаршего даже до животной птички? Кольми ж паче имел он сожаление о человеках! Его величество множество делал вспоможений раненым и болящим, чиня своими руками операции, перевязывая раны, пуская кровь, прикладывая корпии и пластыри, посещая больницы, врачуя и покоя в них воинов, учреждая богадельни для больных и увечных, дряхлых и престарелых, повелевая здоровым и силы еще имеющим работать и не быть в праздности, для сирот и малолетних заводя училище, а для зазорных младенцев или подкидышей устрояя при церквях госпитали для воспитания. Все сие не доказывает ли истинного императорского и отеческого сердоболия?

Мы, бывшие сего великого государя слуги, воздыхаем и проливаем слезы, слыша иногда упреки жестокосердию его, которого в нем не было.

Наказания неминуемые происходили по крайней уже необходимости яко потребное врачевание зла и в воздержание поданных от пагубы. Когда бы многие знали, что претерпевал, что сносил и какими уязвляем был он горестями, то ужаснулись бы, колико снисходил он слабостям человеческим и прощал преступления, не заслуживающия милосердия.

И хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастье находиться при сем монархе, умрем верными ему и горячую любовь нашу к земному Богу погребем вместе с собою. Мы без страха возглашаем об отце нашем для того, что благородному бесстрашию и правде учились от него.

102

Его величество в кунсткамере Аряшкину говорил при мне: «Я велел губернаторам собирать монстры (уродов) и присылать к тебе. Прикажи заготовить шкафы. Если бы я хотел присылать к тебе монстры человеческие не по виду их телес, а по уродливым нравам, места бы у тебя было для них мало. Пускай шатаются они во всенародной кунсткамере, между людьми они приметны».

103

В отсутствие государево из Петербурга приезжие из Иерусалима (греческие) монахи, между прочими редкостями поднесли императрице несгораемый на огне платок яко отличнейшую святость. Государыня подарила им знатную сумму денег, и они вскоре после сего уехали. По возвращении ея величество показы-

вала с восхищением сию неоцененную вещь супругу своему, положенную в серебряном ковчеге. А Петр Великий, посмотрев и рассмеявшись, сказал: «Это, Катенька, обман. А что дала денег бродягам за такую святость?» — «Тысячу рублей», — отвечала она. — «Счастливы старцы, что до меня отсюда убрались, — говорил государь. — Кусок такого полотна привез я из Голландии. Я заставил бы прясть их другой лен в Соловках». Потом приказал Аряшкину принести из кунсткамеры то полотно и для доказательства при ней на огне жечь, которое не сгорело⁴². При сем случае рассказывал государыне, сколько раз гвоздей и древа креста Спасителя видал он в католических монастырях в путешествие свое по Европе, а особливо в вольном императорском городе Аахене.

104

Колико Петр Великий не терпел суеверия, толико, напротив, божественные почитал законы и чтение священного писания Ветхого и Нового завета любил. О Библии говаривал его величество: «Сия книга премудрее всех книг. Она учит познавать Бога и творения его и начертывает должности к Богу и к ближнему. Разуметь в ней некоторые места яснее потребно вдохновение свыше. Учиться небесному — отвергнуть должно земные страсти».

В 1716 году повелел он напечатать в Амстердаме Библию в лист на голландском языке, оставляя на каждом листу половину пустого места для припечатывания оные на русском языке под смотрением Синода в Санкт-Петербурге, дабы чтением на природном языке Библии приучить охотников и к голландскому, яко языку его любимому. Надобными языками для России почитал он голландский и немецкий. «А с французами, — говорил он, — не имеем мы дела».

Из духовных особ жаловал государь Стефана Яворского митрополита Рязанского и Муромского, блюстителя патриаршего престола, да Феофана Прокоповича, архиепископа новгородского, которых сочинения и предики читывал и с ними о духовных делах беседовал.

105

Его императорское величество, присутствуя в собрании с архиереями, приметив некоторых усильное желание к избранию патриарха, о чем неоднократно от духовенства предлагаемо было, вынув одною рукою из кармана к такому случаю приготовленный Духовный Регламент и отдав, сказал им грозно: «Вы просите патриарха, вот вам духовный патриарх, а противомыс-

лящим сему (выдернув другою рукою из ножен кортик и ударя оным по столу) вот булатный патриарх!» Потом встав, пошел вон. После сего оставлено прошение о избрании патриарха и учрежден святейший Синод.

С намерением Петра Великого об установлении Духовной коллегии⁴³ согласны были Стефан Яворский и Феофан Новгородский, которые в сочинении Регламента его величеству помогали, из коих первого определил в Синоде председателем, а другого — вице-президентом, сам же стал главою церкви государства своего и некогда, рассказывая о распрях патриарха Никона с царем родителем его Алексеем Михайловичем, говорил: «Пора обуздать не принадлежащую власть старцу. Богу изволившу исправлять мне гражданство и духовенство. Я им обое — государь и патриарх. Они забыли, в самой древности сие было совокупно».

106

Петр Великий, приняв намерение сделать чрез искусных скульпторов в Италии надгробные монументы и поставить их в честь: первый — генерал-адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту, второй — генералу-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, главному вождю российских войск Шеину и генералу Патрикию Гордону, говорил об них тако: «Сии мужи — верностию и заслугами — вечные в России монументы. Я соединю по смерти героев моих вместе под покровительство героя святого князя Александра Невского».

Желание его величества было поставить монументы в монастыре святого Александра Невского. Рисунки были посланы в Рим. Что же по оным воспоследовало, не известно, понеже вскоре после сего приключилась кончина сего великого монарха.

107

Ненавистники, делая разные наветы и клеветы о невоздержном будто житии и праздности митрополита Стефана Яворского государю Петру Великому, который его паче прочих духовных особ жаловал, называя твердым столпом церкви, старались всячески привести сего достойного мужа в немилость. Его величество, слышав неоднократно об нем такие вести, желал наконец удостовериться самым делом. Сего ради, не сказывая никому, вознамерился врасплох посетить митрополита. Часу в десятом ночью поехал к нему на подворье, и вошед нечаянно в келию, застал его одного, трудящегося в сочинении книги: «Камень веры», обкладенного кругом богословскими творениями. Митрополит, незапным посещением монарха удостоенный, хотел его

потчивать, но государь, увидя на столе стоящие бутылки и мысля по наветам, что Стефан Яворский вместо обыкновенного питья употребляет виноградное вино или водку, говорил: «Не трудись, я выпью то, что пьет митрополит». Государь, налив из одной бутылки в стакан напитка, пил и нашел, что то была брусничная вода. Потом, посидев несколько и беседуя с ним о духовных делах, принялся за другую бутылку, нет ли там водки, налил, отведал и ко удивлению своему обрел простую воду. Тогда встав, его величество объявил Яворскому откровенно, с каким намерением приезжал к нему. Наконец, уверяя его о продолжении милости своей, сказал: «Клевета язвит, днем хулит, но непорочность явна и в ночи. Прощай, будь спокоен, невинность защищает Бог».

Оставя таким образом митрополита, вздумалось государю полюбопытствовать тогда же о Феофане: что он сей ночи делает. Сего ради принял путь прямо к нему. Подъезжая к жилищу его, увидел он много зажженных свечей. Двери были заперты. Он постучался. Отворили, усмотрели государя, кинулись к Феофану и предварили известием о прибытии его величества. Бывшие у него гости испугались, стол наполнен был разными напитками и яствами. Но архиепископ, с веселым и бодрым духом встретив радостно государя, шедшего к нему, и имея покаяние в руках с венгерским, возгласил: «Се жених грядет в полунощи! Блажен раб, его же обрящет бдяща. Недостоин же паки, его же обрящет унывающа! Здравие и благоденствие гостю неоцененному, велие счастье рабу и богомольцу твоему, его же посетити благоволи!» Потом потчивал из сего покаяния вином, пил сам, пили и гости. Такою разумною встречею Петр Великий был доволен, а Феофан, яко муж остроумный, умел при сем случае угодить разговорами, откровенным обращением развеселить и угостить монарха так, что он, возвращаясь от него около полунощи во дворец, сказал ему: «У Стефана, яко у монаха, а у Феофана яко у архиерея весело и проводить время не скучно. Мне откровенность твоя приятна. Всуе пред тем лицемерить, кто лже не верит. Скажи-ка, отче, скоро ль наш патриарх поспеет?» Под сим разумел он, скоро ль Феофан кончит сочинение Духовного Регламента. И когда Феофан отвечал: «Скоро, государь, я дошиваю ему рясу», — то его величество, улыбнувшись, сказал: «А у меня шапка для него готова».

108

Его величество, присутствуя в литейном амбаре при вылитии пушек, генералу-фельдцейхмейстеру Брюсу при мне говорил: «Когда слова не сильны о мире, то сии орудия метанием чугуновых мячей неприятелям возвестят, что мир сделать пора».

Безмерная любовь и охота Петра Великого ко флоту и к мореплаванию привлекали его часто в летнее время, будучи в Петергофе, ездить на шлюпке или на боте в Кронштадт почти ежедневно. Когда же, за какими-либо делами, не мог побывать тамо, то забавлялся зрением с берега на вооруженные корабли. В один день государь, вышед из любимого домика, именуемого Монплеизир, вынул из кармана зрительную трубку, смотрел в море и, увидев идущие голландские корабли, государыне с восторгом говорил: «Ах, Катенька, идут к нам голландские гости. Пусть смотрят учителя мастерство ученика их. Думаю, не похулят. Я зело им благодарен». Потом отправил тотчас в Кронштадт шлюпку, чтоб прибывших на сих кораблях шкиперов привезть к себе. Между тем ожидал их с нетерпеливостью. Часу в десятом ввечеру приехали шкипера в Петергоф, явились прямо к государю и по-приятельски ему говорили: «Здравствуй, император Питер!» — «Добро пожаловать, шкипера!» — «Здорово ли ты живешь?» — «Да, благодарю Бога!» — «Это нам приятно. Слушай, император Питер! Сыр для тебя, полотенно жены наши прислали в подарок супруге твоей, а пряники отдай молодому сыну». — «Я благодарю вас. Сын мой умер⁴⁴, так не будет есть более пряники». — «Пускай кушает твоя супруга».

Его величество приказал потом накрыть стол, посадил шкиперов и сам их потчивал. Они пили здоровье их величеств: «Да здравствует много лет император Петр и императрица, супруга его! Слава Богу, мы теперь как дома! Есть что попить и поесть. Приезжай к нам, государь Петр! Мы хорошо тебя попотчуем. Друзья и знакомцы твои охотно тебя видеть хотят, они тебя помнят». — «Верю, поклонитесь им. Я, может быть, еще их увижу. когда здоровье мне позволит».

При сем спрашивал его величество, сколько времени они в море были, не было ли противных штурмов, какие товары привезли и что намерены из Петербурга обратно взять? И так, пробыв с ними час с два, с удовольствием чрезвычайным паки в Кронштадт проводить указал, сказав при прощании: «Завтра я ваш гость».

Таким-то образом император обходился с голландцами и тако приохочивал чужестранцев ездить в Петербург, чтоб установить в России коммерцию морем.

NB. Известно, что Петр Великий, будучи в Голландии в Саардаме, корабельному строению учился. Путешествуя по указу его, был я сам в том месте, где показывали мне жилище сего монарха, постелю его, шкиперское платье, топор, чем плотничал, и прочие оставленные вещи, вспоминая об нем не яко о государе, но

о истинном друге своем, говорили: «Петр — друг наш, хотя и великий царь». Тут находилась еще каменная и деревянная точеная посуда, из которой он с мастерами кушивал и которую показывают за диво. Сие было в 1718 году, когда я чрез Голландию проезжал.

110

Государь, прохаживаясь по картинной галерее в Монплезире и любуясь на морские картины, до которых был великий охотник, остановился при одной, представляющей четыре соединенные флота — российский, английский, датский и голландский, которыми флотами Петр Великий в 1716 году командовал с превеликою честью⁴⁵, делая разные эволюции, яко искусный вождь и адмирал, — с восхищением Вильстеру и фон-Бруинсу говорил: «Такое достоинство едва ли кто в свете имел, повелевать флотами чужестранных народов и своим вместе. Я с удовольствием вспоминаю доверенность тех держав».

При таком изречении от восторга видны были на очах его слезы. Толикое-то душа его чувствовала утешение! Сия картина сделана была нарочно в Голландии искусным живописцем Адамом Зилло и подарена была в том же году бургомистром Витсе-ном. Его величество приказал граверу Пикарту с оной вырезать на меди.

111

Царь Петр Алексеевич в малолетстве своем нашел в селе Измайлове ботик, голландцами при царе Алексее Михайловиче построенный, на котором в Москве на Просяном пруду, на Москве реке и Яузе, а потом на Переяславском озере плаванием забавлялся. Сей-то незапно обретенный ботик произвел в юном государе, который прежде боялся воды, охоту к построению сперва малых фрегатов, потом военных кораблей и был причиною возрождения великого флота в России.

1723 года его величество приказал тот ботик привезти в Санкт-Петербург, откуда отправлен в Кронштадт, где от всего флота прибытие оного пальбою и другими морскими почестями поздравлено и в память величайших от того ботика на море успехов торжествовано. В сие время монарх на нем был кормчим, в гребле находились генерал-адмирал Апраксин, два адмирала и адмиралтейский полковник Головин, называемый бас. При сем случае, когда по возвращении в гавань произведен был залп, то государь, выходя из ботика, к встречающей его императрице и ко всем министрам и флотским адмиралам сказал: «Смотрите, как

дедушку (так называли ботик) внучаты веселят и поздравляют! От него при помощи Божеской флот на юге и севере, страх неприятелем, польза и оборона государству!» Во время стола, когда пили здоровье ботика, то Петр Великий говорил: «Здравствуй, дедушка! Потомки твои по рекам и морям плавают и чудеса творят. Время покажет, явятся ли они и пред Стамбулом».

Государь не токмо что сам страстную охоту к водяному плаванию имел, но желал также приучить и фамилию свою. Сего ради в 1708 году прибывших из Москвы в Шлиссельбург цариц и царевен встретил на буерах, на которых оттуда в новую свою столицу и приплыл. И когда адмирал Апраксин, верстах в четырех от Петербурга, на яхте с пушечною пальбою их принял, то Петр Великий в присутствии их ему говорил: «Я приучаю семейство мое к воде, чтоб не боялись впредь моря и чтоб понравилось им положение Петербурга, который окружен водами. Кто хочет жить со мною, тот должен часто бывать на море».

Его величество подлинно сие чинил и многократно в Петергоф, Кронштадт и Кроншлот с царскою фамилиею по морю ездил, для чего и приказал для них сделать короткие бостроки, юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывшие из Москвы и в вышепоказанном плавании находившиеся были: царица Прасковья Феодоровна, супруга царя Иоанна Алексеевича, и дочери его — царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталья, Мария и Феодосия Алексеевны.

Но как водяного плавания по краткости лета казалось Петру Великому мало, то приказывал от дворца к крепости на Неве лед расчищать, где на ботах и других малых судах, поставленных на полосы и коньки, при ветре под парусами с флотскими офицерами и знатными господами, подобно как бы на воде, катался и проворно лавировал. К сим забавам приглашал и чужестранных министров и зимовавших голландских шкиперов. На сих забавах потчивал всех горячим пуншем и однажды шкиперам говорил: «Мы плаваем по льду, чтобы зимою не забыть морских экзерсций». На сие один голландский шкипер отвечал: «Нет, царь Петр, ты не забудешь! Я чаю, ты и во сне все флотом командуешь!»

112

О Лефорте Петр Великий говорил: «Когда б у меня не было друга моего Лефорта, то не видать бы мне того так скоро, что вижу ныне в моих войсках. Он начал, а мы довершили».

Государь отдавал каждому справедливость и не присвоивал себе трудов и славы посторонних людей. Надлежит знать, что Лефорт учредил роту потешных солдат, а потом и два полка гвардии.

Когда механик Нартов находился во Франции, Англии, голландии и Пруссии, то государь в небытность его принял к себе в службу одного токарного мастера англичанина, который бы в точении помогал и машины содержал в порядке. По возвращении же Нартова в Санкт-Петербург паки все было поручено в его ведение. Чужестранец, увидя отменную государя к Нартову милость и то, с каким отличным искусством он точит, возревновал на него, и опасаясь, чтоб государь от службы его не уволил (ибо он жалованья получал по осьмисот рублей), начал по зависти начатые Нартовым работы по выходе из токарной переделывать по-своему и портить, дабы чрез такое лукавство привести его у монарха в немилость. Нартов терпел сие от англичанина несколько раз, но как некогда фигуру, по повелению государеву начатую, так поврежденную нашел, что и поправить оную было трудно, то и принужден уже был выговорить жестоко. Англичанин бранился и лез драться, но Нартов, оттолкнув от себя, ударил его кулаком по носу так сильно, что нос отскочил и упал на пол, зазвенел (ибо нос у англичанина был приделан на пружине). В сие самое время его величество, в другой комнате прилежно трудившийся, услышав необычайный шум, встал и взошел к ним, и увидев валяющийся на полу нос, а англичанина без носу, засмеялся и спросил: «Что за шум?» Нартов, подойдя к монарху, сущую правду рассказывал, а его величество терпеливо слушал. Потом, осмотря поврежденную вещь, англичанину по-голландски говорил: «Слушай! Ты — наемник, а он мой! Точит он тебя лучше. Впредь не шали, живи смирно, когда русский хлеб есть хочешь, инако попотчую вздорного гостя дубиною и вышлю вон. Художники и ученые должны иметь приязнь, а не вражду». Потом велел англичанину поднять отбитый нос и опять работать, а через час позвал обоих к себе и помирил.

А за обедом, рассказывая императрице смешную ссору над отшибленным носом, весьма смеялся и часто после того при работах, смотря на англичанина, смеивался. Но чтоб доказать чужестранцу, сколь его величество знание и искусство в подданных своих отличать умеет, то указал Нартову производить жалованья по тысяче рублей и подчинил ему англичанина, а тем, укротя гордость, сделал его смиренным и послушным.

Петр Великий, разговаривая с графом Борисом Петровичем Шереметевым, с князьями Голицыным и Репниным о военных

делах Людовика XIV и о славных полководцах Франции, с геройским духом произнес: «Слава Богу! Дожил я до своих Тюреннов, но Сюллия еще у себя не вижу!»⁴⁶ Российские герои, поклонясь монарху, поцеловали у него руку, а он поцеловал их в лоб.

115

После Полтавской баталии, в шатре при собрании генералов, когда поздравляли государя с победою и пробитой шляпе его пулею дивились и благодарили Бога, что здравия царя никакого вреда не приключилось, на то Петр Великий отвечал так: «Ради благополучия государства я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позор! Сия пуля (указывая на шляпу) не была жребием моей смерти. Десница Вышнего сохранила меня, чтоб спасти Россию и усмирить гордость брата Карла. Сия баталия—счастье наше. Она решила судьбу обоих государств. Тако судил промысел возвысить славою Отчизну мою, и для того произносить будем благодарение наше Богу в день сей на вечные времена».

116

Когда государь желал учинить мир с Карлом XII и о том ему предлагал, то король отвечал надменно: «Я сделаю мир с царем тогда, когда буду в Москве». На сие Петр Великий сказал: «Брат Карл все мечтает быть Александром, но я не Дарий!»⁴⁷

117

Всем известен бесчестный поступок Августа, короля польского, который, струсив Карла XII, выдал генерала Паткуля, бывшего российским послом. Сей несчастный Паткуль, по приказанию Карла, был колесован, а потом отсеченная голова была взоткнута на кол. Петр Великий, уведомясь о таком бесчеловечном поступке, весьма сожалел о Паткуле и сказал: «Август трусить научился у поляков, а Карл свиреп. Оба дадут Богу ответ за Паткуля. Кто жесток, тот не герой! Паткуль не заслуживал такого тиранства. Его весь свет оправдает».

118

После Полтавской баталии, когда ушедшие с генералом Левенгауптом войски в полон сдались, тогда Петр Великий к предводителям своим говорил: «Благодарю Бога, теперь бремя тяжкое с плеч наших свергнуто! Храбростию войск моих Карловы

замыслы так разбиты, что трудно ему будет собирать их в одно место. Бог устроит по-своему. Карлу хотелось побывать в середине Великой России, но, чаятельно, он теперь находится за Днестром у турок».

119

На другой день той же Полтавской победы представлены были пред его величеством яко победителя все знатные шведские пленники. Он, приняв их милостиво, отдал им шпаги и сожалел о несчастии их и о государе их немиротлюбивом. Потом угощал в шатре своем фельдмаршала Рейншильда, графа Линца и прочих генералов и пил за здоровье их с достопамятным изречением: «Я пью за здоровье моих учителей, которые меня воевать научили!» И, выхваляя мужество и храбрость Рейншильда, пожаловал ему свою шпагу⁴⁸.

120

Карл XII по сию сторону реки Ворсклы, при заложении редутов так был сильно ранен пулею в ногу, что принуждены были отнести его в лагерь. Петр Великий, узнав о сем, генералам своим говорил следующее: «Жалею, что брат мой Карл, пролив много крови человеческой, льет ныне и собственную свою кровь для одной мечты быть властелином чужих царств. Но когда рассудительно не хочет владеть своим королевством, то может ли повелевать другими? Но при всем упорстве его, кровь его для меня драгоценна, и я желал бы мир иметь с живым Карлом. Я, право, не хочу, чтоб пуля солдат моих укоротила жизнь его».

121

Петр Великий, беседуя в токарной с Брюсом и Остерманом, с жаром говорил им: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять. Усматривающий вред и придумывающий добро говорить может прямо мне без боязни. Свидетели тому — вы. Полезное слушать рад я и от последнего подданного, руки, ноги и язык не скованы. Доступ до меня свободен — лишь бы не отягчали меня только бездельством и не отнимали бы времени напрасно, которого всякий час мне дорог. Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны, узда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру. Не сугублю рабства чрез то, когда

желаю добра, ошурство упрямых исправляю, дубовые сердца хочу видеть мягкими. Когда переодеваю подданных в иное платье, завожу в войсках и в гражданстве порядок и приучаю к людскости, — не жестокосердствую. Не тиранствую, когда правосудие обвиняет злодея на смерть».

122

Петр Великий на славной Полтавской Баталии, предводительствуя войском и везде в опаснейшем огне находясь, храбростию и мудрым распоряжением с одною первою линиею, из десяти тысяч состоящую, неприятельскую армию опрокинул и, обратив в бег, совершенно разбил, при чем фельдмаршала Рейншильда и прочих генералов в полон взял. Тогда приказал паче всего щадить и спасти жизнь Карла XII, непримиримого неприятеля своего. Но, получа известие, что найдена на поле королевская качалка, вдребезги разбитая, в которой раненого Карла носили, сожалел чрезвычайно о судьбе его и беспокоился, полагая его убитым, повелел искать между убитыми.

Не явный ли сие знак истинного человеколюбия, а не тщетная славы и гордости победителя, ищущего в смерти неприятеля торжества?

123

Ивана Михайловича Головина государь весьма любил и жаловал и послал его в Венецию, чтоб он там научился кораблестроению и узнал конструкцию галер, равно и италийскому языку. Головин жил там четыре года. По возвращении оттуда монарх, желая знать, чему он выучился, взял его с собою в Адмиралтейство, повел на корабельное строение и в мастерские, и показывая, расспрашивал обо всем. Но ответы показали, что Головин ничего не знает. Наконец, Петр Великий спросил: «Выучился ли хотя по-итальянски?» Головин признался, что очень мало и сего. «Ну, так что ж ты делал?» — спросил его государь. — «Всемиловитейший государь, — отвечал ему Головин, — я редко выходил с двора». Как вспыльчив государь ни был, однако чистосердечным и откровенным признанием был так доволен, что леньность его ознаменовал только титулом: «князь баса» и велел нарисовать его на картине с курительною трубкою, сидящего за столом, веселящегося и окруженного подле музыкальными инструментами, а математические и прочие инструменты брошенными вдали, в знак того, что науки ему не понравились и что выучился он только играть на басу. Сию картину видел я сам у государя и которою его величество любовался. При всем том Головин находился в службе при Адмиралтействе в чине гене-

рал-майора. Петр Великий любил его за прямоту, за верность и за природные таланты. В беседах, где бывал государь, бывал и Головин, то между ближними своими называл его в шутках ученым человеком и знатоком корабельного искусства или басом.

124

1717 года, в бытность Петра Великого в Париже, приказал он сделать в одном доме для гренадеров баню на берегу Сены и чтоб они в оной после пару купались. Такое необыкновенное и для парижан, по мнению их, смерть приключаящее действие, произвело многолюдное сборище парижан. Они с удивлением смотрели, как солдаты, выбегая разгоряченные банным паром, кидались в реку, плавали и ныряли. Королевский гофмейстер Вертон, находящийся при услугах императору, видя сам сие купание, Петру Великому докладывал (не зная, что то делается по приказу государя), чтоб он солдатам запретил купаться, ибо де все перемерут. Государь рассмеявшись, отвечал: «Не опасайтесь, господин Вертон! Солдаты от парижского воздуха несколько ослабли, так закаливают себя русскою банею. У нас бывает сие и зимою. Привычка — вторая натура».

125

Там же государь, осматривая войски французские, при чем были герцог Орлеанский, дюки дю Мен и Гиз, и возвратясь домой, князю Куракину, бывшему в Париже послу, сказал: «Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют».

126

При отъезде из Парижа Петр Великий сказал: «Жалею, что домашние обстоятельства принуждают меня так скоро оставить то место, где науки и искусства цветут, и жалею при том, что город сей рано или поздно от роскоши и необузданности претерпит великий вред, а от смрада вымерет».

127

Его величество, увидя нечаянно в столовой зале под великолепным балдахином поставленный портрет супруги своей Екатерины, был весьма доволен дюком д'Антином, который сие приготовить велел. Государь, сев за стол, против сего портрета, во время обеда часто на оный смотрел и, будучи весел, дюку гово-

рил: «Вы отгадали, я ее люблю, и вас, как за учтивость, так и за неожиданное с женою моею свидание, благодарю».

Между тем как обед часа с два продолжался, славный живописец Риго, будучи в другой комнате, портрет с самого Петра Великого написал, и когда дюк д'Антин поднес оный его величеству, то государь, смотря на него и удивляясь сходству, показывал бывшим при нем князю Куракину, Шафирову и Ягушинскому и говорил: «Право, похож». Потом приказал живописцу Риго оный докончить, за что и пожаловал ему сто луидоров.

128

Петр Великий охотно желал заключить дружеский союз с Франциею. Но первый министр кардинал Дюбуа, руководимый ложными политическими планами, в том препятствовал. На сие его величество сказал: «Господа думают и рассуждают о делах, но слуги те дела портят, когда их господа слепо следуют внушению слуг»⁴⁹.

129

На дороге в Париж, в Бове, тамошним епископом приготовлен был для государя великолепный обед, но его величество остановиться там не рассудил, и когда сопутствующие ему докладывали, что в другом месте такого обеда не будет, то государь отвечал: «У вас только и на уме, чтоб пить да есть сладко. Для солдата был бы сухарь да вода, так он тем и доволен. А здесь можно найти белый хлеб и вино».

130

В 1714 году государь, будучи в Финском заливе со флотом, от Гельсингфорса к Аланду претерпел великую опасность в потере самой жизни, ибо ночью поднялась жестокая буря, и весь флот находился в крайнем бедствии, и все думали, что погибнут. Его величество, увидев корабельщиков своих робость, решился сесть на шлюпку и ехать к берегу, и зажегши там огонь, дать знать близость оногo. Бывшие на корабле его офицеры, ужасаясь отважности монаршей, все пали к ногам его и просили неотступно, чтоб отменил свое гибельное намерение и чтоб им сие исполнить повелел. Но государь, показывая подданным на море бесстрашие, не послушал их, сел с несколькими гребцами в шлюпку и поплыл. Рулем его величество управлял сам, а гребцы работали сильно в гребле, но, борясь долго противу ярящихся волн, начали ослабевать и уже потопления ожидали. В таковом их отчаянии Петр Великий встал с места своего и в ободрение им кричал:

«Чего боитесь! Царя везете! Кто великий, яко Бог? Бог с нами! Ребята, прибавляйте силы!» Такая речь возобновила мужество во всех. Пробился он сквозь валы до берега, куда вышел, зажег огонь и тем дал знак флоту, что он счастливо туда прибыл и что они также недалеко от берега. Государь, весь водою измоченный, обогревался у огня с гребцами и спросил: «Есть ли на шлюпке морской сбитень и сухари?» И когда сие к нему принесено, то разогрев сбитень, выпил стакан, съел сухарь, велел выпить стакана по два матросам и потом близ огня под деревом, покрывшись парусиною, заснул.

131

Апреля 27-го в Париже посещал государя правитель Франции герцог Орлеанский. Первое слово его величества к герцогу было такое: «Радуюсь, что славной столицы вижу славного правителя!» На что герцог отвечал: «А я за высокую честь поставляю видеть самолично великого государя и героя!» Разговор продолжался с полчаса. Переводчик был князь Куракин. В свите его величества находились князь Василий Долгорукий, Иван Бутурлин, Петр Толстой, Шафиров да генерал-адъютант Павел Ягушинский.

132

Там же, в бытность государя на Монетном дворе, при тиснении медалей вдруг одна золотая медаль поднесена была Петру Великому. Его величество, взглянув на нее и увидя портрет свой, а на другой стороне изображение знаменитых дел его, сказал герцогу д'Антину, который ему сию медаль и отдавал: «Сей дар столько мне любезен, сколько любезны изображенные на прочих медалях дела Людовика XIV».

133

Государь, отъезжая к Дюнкирхену и увидя великое множество ветряных мельниц, рассмеявшись, Павлу Ивановичу Ягушинскому сказал: «То-то бы для Дон-Кишотов было здесь работы!»

134

В Кале Петр Великий смотрел военные экзерсии, потом любопытствовал видеть огромного великана, по имени Никола́, и увидя, спросил, хочет ли он быть у него? «Желаю, ваше величество, быть у вас, только чтоб не ехать чрез Берлин и не

попасться в руки короля прусского, он непременно выпросит меня у вас и сделает потсдамским солдатом». — «Правда, — сказал государь, — у него бы ты был в шеренге первый гренадер и флигельман, но у меня будешь первый мой гайдук. Не бойся! Потсдамским воином тебе не быть и короля не видать!» Почему и приказал отправить оного морем в Петербург, где по возвращении государевом служил и за стулом у него стаивал, что видал я сам. Сей великан есть тот самый, который находится в Санкт-Петербургской кунсткамере⁵⁰.

135

2 июня 1717 года после полудня, ездил государь в Сен-Дени⁵¹ смотреть разные сокровища, королевские гробницы и славное здание монастыря. Увидя там маршалу Тюренну поставленный мраморный монумент, при котором поставлен орел уstraшенный, Петр Великий спросил: «Что это значит?» И когда донесено было, что сия эмблема знаменует Германию, подвигами сего героя в ужас приведенную, то на сие его величество сказал: «Потому-то сей орел пасмурен и не перист, что Тюренн крылья у него обстриг. Достойному мужу достойная и честь, когда Тюренн между королями погребен». Но между знатными россиянами государь, рассуждая, говорил: «Желал бы я видеть гробницу Монтекукули — представлены ль там лилии цветущими?»⁵²

136

Его величество, прибыв в голландскую крепость Намур, в которой командовал граф Гомпеш, сел у ворот на лошадь и, сопровождаемый сим графом и офицерами, поехал в замок осматривать укрепления, о которых делал свои примечания и между разговорами с графом и прочими сказал: «Господа офицеры, которые здесь меня окружают и которые храбростию в последней войне отличались, подают мне приятное воспоминание, как будто нахожусь теперь в отечестве моем с своими друзьями и офицерами». При сем случае государь рассказывал им о осадах и сражениях, при которых сам присутствовал. Беседою сих воинов был он так доволен, что радость на лице его написана была безмерная.

137

Генерал-фельдцейхмейстер граф Брюс муж был ученый, упражнялся в высоких науках и чрезыестественному не верил. Его величество, любопытствуя о разных в природе вещах, часто

говаривал с ним о физических и метафизических явлениях. Между прочим был разговор о святых мощах, которые он отвергал. Государь, желая доказать ему нетление чрез Божескую благодать, взял с собою Брюса в Москву и в проезд чрез Новгород зашел с ними в соборную Софийскую церковь, в которой находятся разные мощи, и показывая оные Брюсу, спрашивал о причине нетления их. Но как Брюс относил сие к климату, к свойству земли, в которой прежде погребены были, к бальзамированию телес и к воздержной жизни и сухоядению и пощению, то Петр Великий, приступя наконец к мощам святого Никиты, архиепископа новгородского, открыл их, поднял их из раки, посадил, развел руки, и паки сложив их, положил, потом спросил: «Что скажешь теперь, Яков Данилович? От чего сие происходит, что сгибы костей так движутся, яко бы у живого, и не разрушаются, и что вид лица его, аки бы недавно скончавшегося?» Граф Брюс, увидя чудо сие, весьма дивился и в изумлении отвечал: «Не знаю сего, а ведаю то, что Бог всемогущ и премудр». На сие государь сказал ему: «Сему-то верю и я и вижу, что светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества Творца, которого, молю, да вразумит меня по духу. Телесное, Яков Данилович, так привязано к плотскому, что трудно из сего выдраться»⁵³.

138

Петр Великий, однажды разгневавшись сильно на князя Меншикова, вспомнил ему, какого он происхождения, и сказал при том: «Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был. Тотчас возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам и кричи: пироги подовые! Как дельывал прежде. Вон! Ты не достоин милости моей». Потом вытолкнул его из комнаты. Меншиков кинулся прямо к императрице, которая при всех таких случаях покровительствовала, и просил со слезами, чтоб она государя умилоствовала и смягчила.

Императрица пошла немедленно, нашла монарха пасмурным. А как она нрав супруга своего знала совершенно, то и старалась, во-первых, его всячески развеселить. Миновался гнев, явилось милосердие, а Меншиков, чтоб доказать повиновение, между тем, подхватя на улице у пирожника кузов с пирогами, навесил на себя и в виде пирожника явился пред императора. Его величество, увидев сие, рассмеялся и говорил: «Слушай, Александр! Перестань бездельничать или хуже будешь пирожника!» Потом простя, паки принял его по-прежнему в милость. Сие видел я своими глазами. После Меншиков пошел за императрицею и кричал:

«Пирогы подовые!» А государь вслед ему смеялся и говорил: «Помни, Александр!» — «Помню, ваше величество, и не забуду — пироги подовые!»

139

Государь пожаловал Нартову деревянный дом близ дворца, на углу Миллионной, где ныне палаты графа Брюса, заходяжил к нему часто, беседовал у него с художниками, рассматривал тут работы их, рассуждал о разных мастерствах и на токарном станке тачивал, говоря: «Я должен у моего механика и токарного мастера срок свой кончить». А как его величество любил мыльную, то, указав на дворе его построить баню, нередко в оную с денщиками хаживал. Для трения и паренья употреблял токарного ученика Левонтьева, который был мужик дюжий. Некогда Левонтьев поддал на каменку столь много, что его величество, будучи на верхнем полку, смеючись, кричал ему: «Слушай, Левонтьев, не зажарь нас живых, чтоб не сделали нас банными мучениками! Я право, в числе их быть не хочу!» — «Небось, государь, отвечал парильщик, — нас старцы не любят». — «Ты отгадал, — сказал монарх, — однако не сделай из нас для них копченой ряпухи!»

140

1714 года, июля 27, по получении у Гангута над шведами морской победы, где его величество, яко контр-адмирал, командовавший авангардом, шведского шаутбенахта Ерншильда, весьма храбро защищавшегося, с фрегатом и прамами в полон взял, и когда весь российский флот в Кронштадт возвратился, то учинено было в Санкт-Петербурге торжество, куда привезены были шведские галеры, прама и фрегат Ерншильдов, «Елефан», или «Слон», называемый, под провождением российских галер, фрегатов и самого того фрегата, на котором находился российский контр-адмирал царь Петр Алексеевич, яко победитель, и за сию победу в Сенате от князя-цесаря Ромодановского вице-адмиралом пожалован.

Ради сего уготован был славный обед у князя Меншикова, к которому позваны были все российские знатные господа, иностранные министры и шаутбенахт Ерншильд приглашен. Сему государь оказывал великую милость и после стола ко всем присутствовавшим особам говорил: «Здесь видите вы храброго и верного слугу своего государя, который достоин великия награды, и сколь долго пребудет он у меня, возымеет всю мою

милость, хотя он и многих храбрых россиян побил». Потом, оборотясь к Ерншилду, с улыбкою сказал: «Но я сие прощаю вам, пребывая к вам благосклонен». На что Ерншилд, всенижайше благодаря, отвечал: «Хотя я государю моему служил честно, однако делал то, чего должность требовала. Я не щадил живота, шел на смерть, но ея не нашел (ибо на сражении получил семь ран) и единое меня теперь то утешает, в несчастии моем, что я вашим царским величеством как великим морским офицером и нынешним вице-адмиралом в полон взят и с такою милостию от победителя своего принят».

Не отдана ли при сем справедливость от государя шведскому шаутбенахту, а от него — истинное признание монарху? Коль ясно видится великодушное геройское против пленного!

141

Петр Великий, начав службу в сухопутном войске (и во флоте) с нижних чинов, происходил в вышние степени существенными трудами, по заслугам и достоинству, за баталии и осады, при которых, присутствуя особою своею, бывал то подчиненным, то храбрым предводителем, в сильнейшем огне, с бесстрашием и с присутствием духа, здравого и решительного рассуждения, в опасных случаях против неприятелей, к подданным говоря так: «Победить или умереть славно!»

Наконец, достигнув до чинов сухопутной армии до генерал-майорского, а во флоте до вице-адмиральского, получал и обыкновенное жалованье. И когда его величеству оное приносили, то говорил: «Сии деньги — собственные мои. Я их заслужил и употреблять могу по произволу. Но с государственными доходами поступать надлежит осторожно: об них должен я дать отчет Богу».

Я сам слышал сии речи из уст монарших.

142

Его величество, быв в Париже на астрономической обсерватории, с удовольствием смотрел в зрительную трубку на весь небесный свод, и обратясь к бывшим с ним россиянам, с восхищением говорил: «Вот для глаз отверзтая книга чудес Божиих, которая ясно показывает великую премудрость Творца! Беседуя телом здесь, право мысля там! Я благодарен им, что зрением и душою путешествовал в бесконечности с Вечным Существом. Советовал бы я безбожникам и вольнодумцам учиться астрономии и почаще быть на обсерватории, когда земной шар недостаточен им для уверения и когда бродят по нем слепо».

Случилось государю летом идти из Преображенского села с некоторыми знатными особами по Московской дороге, где увидел он вдали пыль, потом скачущего ездового или рассыльщика, машущего плетью и кричащего прохожим и едущим такие слова: «К стороне, к стороне! Шляпу и шапку долой! Князь-цесарь едет!» А за ним вслед едущего на колымажке, запряженной одним конем, князя Ромодановского, на котором был длинный бешмет, а на голове сафьянная шапка.

Лишь только поравнялся он с ними, то государь, остановясь и не снимая шляпы, сказал: «Здравствуй, мин гнедигер гер кейзер!» — то есть: «мой милостивый государь кесарь!» На сие не отвечая князь ни слова, при сердитом взгляде, кивнул только головою, сам продолжал путь далее. По возвращении его величества в Преображенское и, не видя, по обыкновению, в комнатах своих Ромодановского, послал просить его к себе из Тайного приказа, где князь присутствовал. Но князь отправил напротив к нему грозного рассыльщика с объявлением, чтоб Петр Михайлов явился к ответу. При вшествии его величества Ромодановский, не вставая с кресел, спрашивал сурово так: «Что за спесь, что за гордость! Уже Петр Михайлов не снимает ныне цесарю и шляпы! Разве царя Петра Алексеевича указ не силен, которым указано строго почитать начальников?» — «Не сердись, князь-цесарь, — сказал Петр Великий, — дай руку, переговорим у меня и помиримся». На что не отвечал Ромодановский ни слова (едва и как будто нехотя с кресла приподнялся) и пошел рядом с государем во дворец. Проходящему князю-цесарю через передние покои стоящие гвардии штаб-офицеры и другие господа кланялись низко, ибо они его зело боялись и воздавали ему почесть предо всеми отличнейшую. И как государь в другом покое остановился, то призвал сих особ пред себя, велел поднести цесарю ковшичек отъемного вина, потому что он водки не любил, а себе и прочим — анисовой водки, а после того предо всеми говорил: «Я надеюсь, что твое цесарское величество меня в том простит, когда я пред тобою не снял на дороге шляпы. Сие неучтивство произошло от твоего бешмета, в котором сана твоего не познал. Если б ты был в пристойной униформе, то есть в приличном кафтане, я б отдал надлежащий по чину поклон». Как ни досаден будто б был такой выговор князю-цесарю, однако под видом извинения объясняя, что бешмет нимало не уменьшает его чина и достоинства, государю сказал: «Я тебя прощаю». — «Теперь мы поквитались с тобою, — отвечал, улыбнувшись, государь и, обратясь к предстоявшим, продолжал следующие слова: «Длинное платье мешало доселе проворству рук и ног стрельцов. Они не

могли ни работать хорошо ружьем, ни маршировать, то есть ходить. Для того-то велел я Лефорту пообрезать сперва жупаны и зарукавья, а после сделать новые мундиры по обычаю Европы. Старая одежда похожа более на татарскую, нежели на сродную нам, легкую славянскую. Долгий бешмет у татар — то, что у казаков казакин. В спальном платье являться в команду не годится».

Такое нравоучение относилось не на Ромодановского, но на тех упрямых бояр, которым новая одежда не нравилась, и, как видно, учинено было сие от обоих по условию, дабы князь-цесарь, яко любимый его величества боярин, подавал прочим в преобразовании одежды пример.

С тех пор князь Ромодановский не ездил более в бешмете в Преображенск.

144

Петр Великий, в бытность свою с государыней Екатериной Алексеевною в Гааге, осматривая любопытные вещи в городе и окрестностях оного, проведал, что находится там один математик, который уверял, яко бы сыскал он способ узнавать долготу мест. А как его величество любопытствовал видеть такое важное изобретение, то и желал присутствовать своею особою при опытах, которые обещал изобретатель делать своими инструментами, которые составляли такой компас, который показывал, по сказанию его, степени долготы и широты мест. Сей ученый муж устроил осьмоугольный шалаш в одном судне, которое введено было в гаагский большой пруд. Расставил он шесты нумерованные, которых план имел в том шалаше и которые представляли пристани и разные страны, а пруд представлял яко бы пространство моря. Государь имел терпение находиться в сем закрытом со всех сторон шалаше более трех часов с графом Альбельмарлем, с князем Куракиным и с некоторыми депутатами Голландских Штатов и с сим инвентором. Гребцы, управлявшие сим судном, разъезжали всюду, а математик, запертый в шалаше, означал и сказывал, в которой стороне пруда судно находилось и подле которого шеста было. Петр Великий делал ему при том разные возражения. Наконец, засвидетельствовал, что сей человек далеко дошел в изобретении своем, познавая долготу и широту мест, но еще недостает в том некоторого в нем совершенства, однако заслуживает похвалу и награждение, говоря при том Альбельмарлю и прочим с ним бывшим следующее: «Я ни мало ни хую алхимиста, ищущего превращать металлы в золото, механика, старающегося сыскать вечное движение (*perpetuum mobile*), и математика, помогающегося узнавать долготу мест для того, что изыскивая чрезвычайное, внезапно изобретают

многие побочные полезные вещи. Такого рода людей должно всячески ободрять, а не презирать, как то многие противное сему чинят, называя такие упражнения бреднями».

Его величество подарил сему математику за труд сей 100 червонных и приглашал приехать его в Россию, чтоб он производил дальнейшие опыты над сим полезным изобретением в его государстве, и обещал за сие достойное награждение.

145

При всех трудах и заботах государственных государь иногда любил побеседовать и с красавицею, только не более получаса. Правда, любил его величество женский пол, однако ж страстью ни к какой женщине не прилеплялся и утушал любовный пламень скоро, говоря: «Солдату утопать в роскоши не надлежит. Забывать службу ради женщин непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне. У неприятеля скорая может быть свобода, а у женщины и оковы долговременны». Он употреблял ту, которая ему встретилась и нравилась, но всегда с согласия ея и без принуждения. Впрочем, имел такие молодецкие ухватки и так приятно умел обходиться с женским полом, что редкая отказать ему бы могла. Видали мы сие не токмо дома, но и в чужих государствах, а особливо в Польше, когда он на такую охоту с Августом ездил.

146

Нечаянно случилось его величеству увидеть одну девушку приятного и красивого лица, нарвскую уроженку, лет двадцати, которая жила во дворце у надзирательницы царского белья и должность белошвейки отправляла. А как она при красоте одарена была умом, то государь, познакомясь с нею, нередко ее у себя имел. Сколь скрытно сие ни делалось, однако каким-то образом проведала о сем императрица. Сего ради, желая отличить от прочих сию фаворитку, вдруг взяла ее к себе вверх и определила ее своею камер-юнферою да и наряжала ее лучше прочих. Его величество о таком происшествии ничего не знал, ибо вскоре после такой перемены случилось ему зайти в комнаты своей супруги, где нечаянно и увидел свою знакомку. Такая незапная встреча удивила монарха и внутренне была неприятна. Он не смотрел на нее и оборотился прочь. Государыня, приметя сие, старалась его развеселить и с видом благоприятным доносила ему так: «Хотя эта девушка вашему величеству и незнакома и я не имела прежде времени ее вам представить, однако, находя ее для себя надобною, приняла в камер-юнферы.

Я думаю, государь, вы выбор мой милостиво примете и не похулите. Я около себя дурных держать не люблю, а она и хороша, и умна». Государю представление такое было совестно, ибо императрица сие с такою нежностью, ласкою и повиновением делала, что он не сказал на сие ни слова, улыбнувшись, вышел вон (понеже он такую тонкость вмиг понял) и после сию девушку никогда к себе не зывал, да и вскоре после того выдал ее за чиновного и богатого лифляндского дворянина, чтоб тем доказать супруге своей, что камер-юнкера ее не есть его такая любовница, к которой бы он горячо был привязан.

147

Когда государь вводил в обычай собрания, в которые должныствовали съезжаться чиновные особы вместе с женами и дочерьми, чтоб веселиться общею беседою, забавами и танцованием, чего прежде не бывало, то случилось некогда, что на одном бале любимец его Меншиков пошел танцевать в шпаге. Его величество, увидя такую нелепость, подошел к нему, сорвал с него шпагу, бросил ее в сторону и близ стоящим господам смеючись говорил: «Не осудите его — он все думает, что он перед фрунтом на коне танцует со шпагою».

Некоторые сказывают, что государь, за сие будто бы рассердясь, ударил его в щеку, но оное взведено на государя от чужестранцев напрасно, которые по ненависти всячески старались приписывать монарху излишнюю жестокость.

148

Петр Великий, по возвращении из Персии в 1723 году, нашел разные неурейства в правлении дел и преступлениях, в грабеже некоторых особ, между прочими и князя Меншикова, который хотя чистосердечным признанием своим и освободился от тяжкого наказания, однако ж учинено с него было денежное взыскание, лишен великих доходов да и потерял милость и любовь у государя. Императрица при сем случае была заступницею за Меншикова. Она спасла его тогда от крайнего бедствия неотступным прошением своим, на которое снисходя, монарх при прощении сказал ей: «Меншиков в беззаконии зачат, и во гресех родила мати его, а в плутовстве скончает живот свой. И если, Катенька, он не исправится, то быть ему без головы. Я для тебя его на первый раз прощаю».

Сие слышал я сам, когда государь государыне в кабинете своем говорил. Чуть-чуть уцелел Меншиков тогда от совершен-

ной погибели, ибо его величество доверенность свою к нему уже потушил, имея на него разные и важные подозрения.

149

В начале генваря 1725 года, в самой тот месяц, когда судьбою Всевышнего определен был конец жития Петра Великого и когда уже его величество чувствовал в теле своем болезненные припадки, все еще неутомимый дух его трудился о пользе и славе Отечества своего, — ибо сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проводить и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою, отдал оный наказ генерал-адмиралу Апраксину, назначив сам к сему испытанию флотского капитана Витуса Беринга, а в помощь к нему Мартына Шпангенберга и Александра Чирикова.

Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами то, как его величество спешил сочинять наставление такого важного предприятия и будто бы предвидел скорую кончину свою, и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе генерал-адмиралу вручив, говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предприятия мешали, то есть о дороге чрез Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен ненапрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез науки и искусства. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских? О сем-то написал инструкцию. Распоряжение же сего поручаю, Федор Матвеевич, за болезнь мою твоему попечению, дабы точно по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было».

150

Когда государь намерен был предать всенародному суду царевну Софию Алексеевну и строгость закона над нею исполнить за последний бунт, ея ухищрением во время его в чужестранных государствах между стрельцами произведенный, дабы ей из монастыря освободиться и сделаться самодержавной государынею, а Петра Алексеевича на возвратном пути, не допустив до Москвы, убить, — то Лефорт, которого государь любил паче прочих

и советов его слушал, представлял ему и великую славу и великодушные, его убеждал, чтоб он сестру свою простил еще раз, на что получил такой ответ: «Ужели не знаешь того, как она посягала на живот мой, хотя ей было тогда 14 лет?» — «Так, государь, — продолжал Лефорт, — но вы не лишайте жизни ее для своей славы, которая должна драгоценнее вам быть, нежели мщение. Сие оставить надлежит свирепости турок, кои обагрят руки в крови братьев своих. А христианский государь должен иметь чувствования милосердые». Убежденный таким благородным постановлением, государь вздохнул, пожал плечами, простил Софью, пошел к ней в монастырь и чувствительные делал выговоры, которые произвели в ней и в нем слезы. И хотя при таком указании София защищала красноречием своим весьма сильно невинность свою, однако, обличенная ясными доказательствами в преступлении своем, оставлена была на вечное заключение в монастыре под стражею. Государь, по возвращении своем из монастыря, говорил Лефорту так: «Жаль, что Софья при великом уме своем имеет великую злость и коварство».

Сию достопамятность слышал я от фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого.

151

Государь, поручая договоры чинить о мире со шведами, при мне говорил Головкину, Брюсу и Остерману: «Я бы возвратил шведам Ревель, да, может быть, отдал бы еще и более, если б король английский не хвастал, что я не могу Ревеля удержать и должен его отдать. Я покажу ему теперь вопреки»⁵⁴.

152

Когда шведы, обнищав деньгами, после мира Петру Великому продавали распиленные медные пушки, то государь сказал Брюсу: «Как дорого война ни стоит, а деньги у меня есть. Такой торг полезен: медь надобна, когда своей еще мало».

153

Его величество, показывая мне чертеж нового укрепления Кронштадта, выдуманного генерал-поручиком Минихом, и хваля его к обороне догадки, говорил: «Спасибо Долгорукову (который был в 1721 году посланником в Польше)! Он доставил мне сего искусного инженера и генерала. Когда саксонцы и поляки не умели его в службе своей держать, так я покажу им, что я умею

достойных и знающих генералов награждать». После сего поручил Миниху сделать проекты Рогервикской гавани и Ладогскому каналу.

154

О царевиче Алексее Петровиче, когда он привезен был обратно из чужих краев⁵⁵, государь Толстому говорил так: «Когда б не монахиня, не монах⁵⁶ и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы! Отец мой имел дело с одним бородачом, а я с тысячами. Бог сердцевидец и судия вероломцам! Я хотел ему благо, а он всегдашний мне противник».

На сие Толстой его величеству отвечал: «Кающемуся и повинующемуся милосердие, а старцам пора обрезать перья и поубавить пуху». На это повторил его величество: «Не будут летать скоро, скоро!» И потом, взмахнув головою кверху и в горести пожав плечами, велел позвать Ушакова и Румянцева, которым дал по особой бумаге.

155

По тому же следствию Толстому государь сказал: «Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я! От сестры был гоним до зела: она была хитра и зла. Монахине несносен: она глупа. Сын меня ненавидит: он упрям. Все зло от подпускателей».

156

По тому же делу государь говорил: «Страдаю, а все за Отечество! Желаю ему полезное, но враги демонские пакости деют. Труден разбор невинности моей тому, кому дело сие неведомо. Един Бог зрит правду».

157

Корабельные мастера, под предводительством баса — Ивана Михайловича Головина, сделали пирушку, на которую приглашен был посторонний знатный чиновник, бывший прежде стрелецким головою и несколько замешан в их бунтах, но чистосердечным раскаянием получил прощение и потом за долговременную службу и особенно указанные услуги обрел у его величества милость, а по отличному уму любовь, и употребляем был в важные дела. На той пирушке, после обеда, гости слишком подвеселились и друг друга частым подношением стакан за стаканом подчивали, — то вышеупомянутый человек, уклоняясь от хмеля, сел против комелька и притворился пьяным, дремлющим.

шатал головою и снял с себя парик. В самом же деле подслушивал речи, которые другие подгулявшие откровенно государю говорили. Государь, похаживая взад и вперед и увидя плешивую голову сидевшего на стуле хитреца, подошел к нему, ударил ладонью слегка по голому темю раза два и сказал: «Притворство, господин Толстой!» После, оборотясь к предстоявшим, говорил: «Эта голова ходила прежде за иною головою, повисла, — боюсь, чтоб не свалилась с плеч». А притворщик, очнувшись, взглянув на государя, отвечивал тотчас: «Не опасайтесь, ваше величество! Она вам верна и на мне тверда. Что было прежде — не то после, теперь и впредь». — «Видите, — сказал государь, — он притворялся, а не пьян! Поднесите ему стакана три доброго флина, так он поравняется с нами и будет также сорочить».

158

По возвращении генерала Бутурлина и тайного советника Толстого от царевича Алексея Петровича, к которому они посылаемы были от государя с вопросами, его величество им сказал: «Теперь видите ясно, что он — другая Софья»⁵⁸.

159

Государь призывал к себе в чертежную генерал-поручика Миниха и приказал ему сделать проект укреплений в разных удобных местах с здешней левой стороны от Риги по Двине, а с правой стороны от Риги к морю до Пеонова, от Пернова до Ревеля, от Ревеля до Нарвы и до самого Петербурга, сказав ему: «Я надеюсь в этом по искусству вашему получить желаемое удовольствие скоро».

160

К большой достопамятности и к отличному правосудию Петра Великого служит доказательством отмененное им жестокое азиатское обыкновение лишать имущества тех наследников, коих отцы учинили измену или иную вину против государя и тем заслуживали одно только праведное наказание, но вместо того жены, дети их, родственники, ничем невинные, за преступлением родителей обще погибали или в вечную ссылку ссылаемы были. Но Петр Великий, по правосудию и великодушию своему, отменив сие варварское узаконение, рассуждал: «Государю зазорно обогащаться стяжанием подданного и невинное семейство его лишать имущества и пропитания. Невинность возопиет к Богу».

Государь рассказал графу Шереметеву и генерал-адмиралу Апраксину, что он в самой молодости своей, читая Несторов летописец, видел, что Олег посылал на судах войски под Царьград, от чего с тех пор поселилось в сердце его желание учинить то же против вероломных турок, врагов христиан, и отмстить обиды, которые они обще с татарами России делали, и для того учредил кораблестроение в способном месте и такую мысль его утвердила бытность его в 1694 году в Воронеже, где, обозревая он местоположение реки Дона, нашел способным, чтоб по взятии Азова пройти и в Черное море. При том рассказывал им еще то, что первое его посещение города Архангельска породило в нем охоту завести там строение судов, как для торговли, так и для морских промыслов. «А ныне при помощи Божией, — сказал он, — когда есть Кронштадт и Петербург и храбростию вашею завоеваны Рига, Ревель и прочие города, то в Архангельске строящиеся корабли могут быть защитой против шведов и других держав. Вот, друзья мои, для чего полезно государю в отчизне своей путешествовать и замечать то, что государству может произвести сущую славу и процветание!»

162

Славный генерал Патрик Гордон, оказавший против турок и татар и при внутренних мятежах против стрельцов храбрые России услуги, в 1699 году заболел опасно. Государь, посещая его вседневно в болезни, был при самой его смерти, и когда скончался, то закрыл его величество ему очи своею рукою и потом поцеловал его в лоб, а при великолепном погребении сего мужа присутствовавшим чужестранцам и со слезами провозгласил: «Я и государство лишились усердного, верного и храброго генерала. Когда б не Гордон, Москве было бы великое бедствие». Потом, когда поставили гроб в могилу, то государь, кинув туда земли, сказал к предстоящим: «Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое пространство земли с Азовом».

Сей чужестранец, по сказанию тех, кои его лично знали, любим был не только Петром Великим, но и подданными его. Смерть его была сожалением всеобщим.

